

Министерство культуры Российской Федерации
Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова

Лев ШУГОМ

В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧЕНИКОВ

*Народный артист России, профессор Л.И. Шугом
(08.03.1946 – 28.04.2017)*

Саратов, 2019

ББК 85.31
Л 34

Печатается по решению Совета по НИР
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова

Редактор-составитель:

Зими́на Татьяна Львовна – доцент Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

Л 34 **Лев Шугом в воспоминаниях учеников:** сборник статей.
Саратовская государственная консерватория имени
Л.В. Собинова, 2019. – 76 с., [88] л. ил.

ISBN 978-5-94841-367-9

Книга посвящена одной из ключевых фигур музыкальной культуры Саратова – известному пианисту, народному артисту РФ, профессору Льву Исаевичу Шугому (1946–2017). Являясь наследником крупнейших фортепианных школ XX века, Л.И. Шугом всем своим исполнительским творчеством, плодотворной работой в Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, широкой общественной и просветительской деятельностью укреплял и развивал лучшие традиции отечественной музыкальной культуры.

Л.И. Шугом воспитал целую плеяду музыкантов-профессионалов, которые продолжают дело своего Учителя, успешно занимаясь исполнительской и педагогической деятельностью как в России, так и за ее пределами. В книгу вошли воспоминания, представленные учениками разных лет, начиная от самых первых выпускников и заканчивая студентами последнего периода жизни. Каждое эссе, написанное искренне, тепло и с большим уважением к своему Учителю, является ценным материалом в создании творческого портрета Л.И. Шугома и представляет особый интерес для музыкального сообщества.

Издание адресовано музыкантам-профессионалам, а также широкому кругу любителей музыки.

ББК 85.31

ISBN 978-5-94841-367-9

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова», 2019

От составителя

Наша память имеет свойство хранить далеко не все события, встречи, впечатления, происходившие с нами в прошлом. Многие, ранее казавшееся значимым, стирается, становясь еле различимым силуэтом. Но есть люди, воспоминания о которых бережно хранятся в памяти всю жизнь. Это наши учителя. Для кого-то учитель остался человеком, давшим в руки профессию, для кого-то с годами стал другом, наставником, с которым можно поделиться своими проблемами и радостями, в любой момент обратиться за советом и поддержкой. Лев Исаевич Шугом был для своих учеников именно таким учителем.

Лев Шугом – представитель фортепианной школы С.С. Бендицкого – Г.Г. Нейгауза, но также он был последователем и других крупнейших пианистических школ. Его педагогом в ассистентуре-стажировке в ГМПИ имени Гнесиных был Александр Иохелес, который учился у Константина Игумнова, а руководителем стажировки в Московской консерватории – Лев Власенко, который, в свою очередь, был учеником Якова Флиэра.

За 50 лет работы в Саратовской консерватории (1967–2017) Лев Исаевич воспитал более 80 учеников, большинство из которых продолжили свою жизнь в музыке. Некоторые стали концертирующими пианистами, другие – преподавателями музыкальных колледжей и вузов, детских школ искусств, концертмейстерами. Все они, в том числе и те, кто не выбрал профессию музыканта делом жизни, вспоминают своего учителя с большой теплотой и благодарностью. Остались незабываемые впечатления от классных концертов, поездок, конкурсов, атмосферы творчества, царившей в классе Льва Исаевича. Он заражал студентов своей мощной энергией, горением в профессии, стремлением добиваться вершин, вдохновлял блестящими концертными выступлениями, масштабными программами, виртуознейшим репертуаром.

Идея создания этой книги была встречена с большим энтузиазмом. Сразу же со всех концов света стали приходить письма от учеников Льва Шугома. Погрузившись в воспоминания, они вернулись в прекрасное время учёбы в консерватории, когда ощущали себя крепкой творческой семьёй, объединённой любимым педагогом. Книга получилась ностальгически-светлой, пропитанной любовью и уважением, наполненной интересными описаниями занятий, педагогических принципов, изнутри показан процесс обучения в классе Льва Исаевича. Рассказано много любопытных и забавных случаев, происходивших во время уроков или поездок с концертами. В книге большое количество фотографий с концертов и мастер-классов, с коллегами и учениками, а также афиши сольных, симфонических, кафедральных и студенческих концертов.

Выпускники Л.И. Шугома успешно работают в разных городах России и многих странах мира – Германии, Австрии, Швеции, Нидерландах, Греции, Израиле, США, на Кубе, где уже своим ученикам «передают по наследству» исполнительский и педагогический опыт, приобретённый в классе Льва Исаевича, прививают им ценные человеческие качества – трудолюбие, пунктуальность, внимательное отношение к людям и своей профессии так же, как это делал их

учитель. Важно и то, что даже находясь далеко друг от друга территориально, они общаются, время от времени встречаются, выступают в совместных концертах и творческих проектах, продолжают оставаться сплочённым классом Льва Шугома.

В книге есть воспоминания о Льве Исаевиче и учащихся Детской музыкальной школы для одарённых детей при Саратовской консерватории.

Музыкальная школа была создана Львом Исаевичем Шугомом в год празднования 100-летнего юбилея консерватории (2012 г.). Это особенная школа. Детей окружает необыкновенная атмосфера исторического здания консерватории, но главное, они получили прекрасную возможность уже с первых лет обучения выступать на сцене Большого зала. Символично и то, что многие из них занимаются у преподавателей, которые в своё время учились в классе Льва Исаевича Шугома.

Школа успешно развивается, её учащиеся выступают в концертах, побеждают в конкурсах и стараются держать высокую планку, заданную её основателем.

1 ноября 2017 года Детской музыкальной школе для одарённых детей при Саратовской консерватории присвоено имя народного артиста России, профессора Льва Исаевича Шугома.

Татьяна Зимина
доцент Саратовской
государственной консерватории
имени Л.В. Собинова

Творческая биография Льва Шугома

Лев Исаевич Шугом родился 8 марта 1946 года в Саратове. Выпускник Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова по классу С.С. Бендицкого и ассистентуры-стажировки ГМПИ им. Гнесиных (Российской академии музыки имени Гнесиных) по классу А.Л. Иохелеса. Проходил обучение на факультете повышения квалификации в Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в классе народного артиста СССР, профессора Л.Н. Власенко.

Вся творческая деятельность Л.И. Шугома прошла в Саратовской консерватории, где он проработал 50 лет – с 1967 по 2017 годы. С 1987 по 1991 годы заведовал кафедрой специального фортепиано. С 1992 по 1997 годы возглавлял фортепианный отдел Академии для одаренных детей и юношества при Саратовской консерватории. В 1982 году Лев Исаевич получил ученое звание доцента, в 1989 – почетное звание «Заслуженный артист Российской Федерации», в 1995 году ему было присвоено ученое звание профессора. Высокий исполнительский и педагогический авторитет, значительные результаты в творческой деятельности послужили основанием для присуждения в 2006 году Льву Исаевичу Шугому почетного звания «Народный артист Российской Федерации».

Л.И. Шугом – музыкант высокой квалификации, обладающий всесторонней музыкальной эрудицией и высоким уровнем профессиональной и педагогической культуры. Им подготовлено свыше 80 специалистов, успешно работающих в России и за рубежом. Среди его учеников: кандидаты наук, доценты, заслуженные работники культуры РФ, лауреаты и дипломанты международных и всероссийских музыкальных конкурсов и фестивалей.

Педагогическую работу Лев Исаевич успешно сочетал с интенсивной исполнительской деятельностью. Самобытный и тонкий музыкант, владевший чрезвычайно обширным и разнообразным репертуаром, обладавший уникальной работоспособностью, он много и успешно выступал в разных городах и странах. География гастрольных поездок пианиста включала в себя практически все крупные регионы России: Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Крым, Кавказ, а также ближнее (Беларусь, Украина) и дальнее зарубежье (Германия, Нидерланды, Греция, Австрия, Италия, Кипр, Финляндия, Португалия, США, Испания).

Лев Исаевич выступал более чем с 40 видными отечественными и зарубежными дирижерами, среди которых – народная артистка СССР В. Дударова, народный артист РФ и Казахстана Ф. Мансуров, народные артисты России: Р. Мартынов, В. Понькин, А. Милейковский, Ю. Кочнев, М. Аннамамедов, Г. Проваторов, В. Синайский, Э. Серов, Линь Тао, заслуженный деятель искусств РФ А. Фельдман, а также У. Шнайдер (Швейцария), Д. Вермюлен (Нидерланды), М. Кнель (Германия), Д. Каферис (Греция), В. Жордания (США), Г. Адамс (Испания). Как ансамблист и концертмейстер Л.И. Шугом выступал с известными отечественными и зарубежными солистами: В. Демидовым, Т. Сандлер,

Л. Сметанниковым (Саратов), М. Миглау (Большой театр, Москва), А. Цыганковым (Москва), М. Янковичем и И. Грубертом (Голландия), Д. Шварцберг (Австрия) и др.

Репертуар Льва Шугома включает сложнейшие произведения мировой фортепианной литературы. Среди наиболее значительных исполнительских работ саратовского пианиста – целая серия сольных монографических концертов, посвящённых творчеству Л. Бетховена, Р. Шумана, Ф. Шопена, Ф. Листа, М. Глинки, П. Чайковского, С. Рахманинова. Подобная циклизация программ позволяла Льву Шугому создавать объёмное и яркое представление о творчестве выдающихся композиторов. В сезоне 1988/1989 им были исполнены четыре фортепианных концерта и “Рапсодия на тему Паганини” С. Рахманинова совместно с академическим симфоническим оркестром Саратовской областной филармонии имени А.Г. Шнитке (дирижёр М. Аннамамедов); 1992/1993 – цикл из шести сольных концертов «Избранные фортепианные произведения», 2000/2001 – цикл из пяти концертов «Русская фортепианная и камерная музыка». Памяти Э.Г. Гилельса был посвящён цикл из четырёх концертов.

В 1995 году Л.И. Шугом стал организатором и художественным руководителем Открытого фестиваля, посвящённого 90-летию со дня рождения основоположника саратовской пианистической школы – профессора С.С. Бендицкого.

Признанием высокого авторитета Л.И. Шугома являлось постоянное приглашение в жюри многочисленных региональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. Он работал в жюри таких престижных конкурсов, как Всероссийский музыкальный конкурс, Всероссийский конкурс пианистов имени С.С. Бендицкого (Саратов), Международный конкурс пианистов имени В. Горовица (Киев), Международный конкурс пианистов имени Ф. Шопена (Москва), Всероссийский конкурс пианистов имени В.И. Сафонова (Пятигорск), а также во многих других конкурсах в России и за рубежом.

Имя Льва Исаевича Шугома внесено в Энциклопедию Саратовского края (раздел «Культура»), Энциклопедию «Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова. 1912 – 2012».

Среди многочисленных наград, полученных Л.И. Шугомом за последние годы: Орден «Почёт и слава» героя энциклопедии «Лучшие люди России» (2011); Орден «За вклад в науку» 1 степени в области культуры и искусства (2012); Памятная медаль и Грамота Президента России В.В. Путина (2014); Нагрудный знак Министерства культуры Российской Федерации «За вклад в российскую культуру» (2016).

С 2008 по 2016 годы Лев Исаевич занимал пост ректора Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова. Годы его руководства были отмечены масштабными культурными и творческими проектами, среди которых ярчайшим событием стало празднование осенью 2012 года 100-летнего юбилея консерватории.

В этот знаменательный год Лев Исаевич Шугом открыл в консерватории новое структурное подразделение – Детскую музыкальную школу для одаренных детей. Безусловно, это было мудрым решением Л.И. Шугома – музыканта

и руководителя, и факт создания школы именно в год столетнего юбилея навсегда вошел в славную летопись Саратовской консерватории.

Открытие школы, полная реконструкция помещения на первом этаже исторического здания консерватории, материально-техническое оборудование и кадровое обеспечение, привлечение дополнительных внебюджетных средств в больших объемах в период становления школы – все это было сделано под руководством и при личном активном участии Льва Исаевича.

Уже в первые годы существования школы Л.И. Шугом учредил два конкурса, которые проводятся с 2015 года и вызывают огромный интерес музыкальной общественности по сей день. Это Открытый конкурс исследовательских работ учащихся детских школ искусств «Саратовская консерватория глазами детей» и Открытый детский музыкальный Интернет-конкурс «Весна открытий», жюри которого возглавлял Л.И. Шугом.

С 2014 года и до конца своей жизни Лев Исаевич являлся консультантом учащихся школы, присутствовал на всех экзаменах, прослушиваниях, академических концертах.

1 ноября 2017 года Детской музыкальной школе для одарённых детей при Саратовской консерватории присвоено имя народного артиста Российской Федерации, профессора Льва Исаевича Шугома.

Лев Шугом
Воспоминания учеников об Учителе

Юлия Литвиненко (Бабкина)
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры фортепианного
искусства «Московского государственного
института музыки имени А.Г. Шнитке», г. Москва
выпуск 2004 года

Человек, Музыкант, Педагог

На жизненном пути каждого человека встречаются люди, знакомство с которыми имеет судьбоносное значение. Для меня, как и для многих других выпускников Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, такой знаковой фигурой стал народный артист РФ, профессор Лев Исаевич Шугом.

Вспоминая Льва Исаевича Шугома – одного из ярчайших представителей саратовской фортепианной школы – сразу же пробуждаются теплые чувства, звучащие в определенной тональности, возникают особые эмоции, связанные с обликом удивительного Человека, одаренного Музыканта, опытного Педагога.

Удивительно, но творческий потенциал Мастера постоянно раскрывал все новые и новые грани его таланта: активная концертная деятельность по всей стране и далеко за ее пределами, обучение и воспитание талантливой молодежи, участие в жюри международных и всероссийских конкурсов, проведение многочисленных мастер-классов, руководство Саратовской государственной консерваторией имени Л.В. Собинова, открытие нового структурного подразделения при консерватории – Детской музыкальной школы для одаренных детей, которой по праву присвоено имя Л.И. Шугома, организация масштабных фестивалей и монографических циклов и т.д.

Реализация столь мощных проектов говорит о «зрелости» и масштабности личности, способной на творческие подвиги! Мало обладать музыкально-исполнительским и педагогическим талантом, необходимы организаторские способности, высокий интеллектуальный и общекультурный уровень, внутренний стержень, огромные физические и эмоциональные силы.

Авторитет Л.И. Шугома был признан отечественным и зарубежным музыкальным сообществом. Выступления саратовского пианиста, всегда проходившие в переполненных концертных залах, становились настоящим праздни-

ком, так как дарили публике особую радость встречи с фортепианным искусством, идущим от сердца исполнителя к сердцам слушателей. Его воздействие на аудиторию было удивительным, даже магнетическим. Едва пальцы прикасались к роялю, тотчас публика замирала в ожидании новых художественных открытий, творческих свершений. Как достигалось такое духовное единение со слушателями, для нас так и останется тайной. Хотя отчасти все объяснимо: величина дарования истинного Художника, сфера воздействия его таланта на публику определяется, в конечном счете масштабом его Личности. В каждом жесте, взгляде, слове, не говоря уже об исполнительском искусстве, поражала духовная мощь, сила характера, железная воля.

Безусловно, добиться столь высокого артистического уровня, чрезвычайно сложно. Артист, получивший признание публики и завоевавший ее любовь, каждый раз выходя на сцену, обязан быть на высоте, демонстрировать максимум своих возможностей. Не случайно существует выражение «бремя славы». Но, пожалуй, самое трудное – не просто удержаться на достигнутом уровне, но и продолжать успешно идти к новым вершинам. Творческий путь Л.И. Шугома – яркий пример непрерывного движения вперед на пути к музыкальному Олимпу!

Исполнительский стиль Льва Шугома, который складывается из индивидуальности артиста и из его художественного мироощущения, легко узнаваем. Его интерпретацию можно сравнить с зодчеством, с возведением прекрасного здания, где все пропорции соблюдены, все детали продуманы и логично выстроены. Нет ничего сложнее в искусстве, чем достижение простоты и стройности. Для творческого почерка Льва Шугома как раз характерна естественная простота, предельно ясная исполнительская концепция. И возникает четкое ощущение, что в каждом «звуковом сооружении» пианиста не пошатнется ни один камень.

При этом кажущаяся строгость, простота и красота линий становились результатом титанического труда: большой внутренней работы мысли, многочасовых занятий за роялем, высочайшей требовательности к себе, чувства ответственности перед композитором и слушателем. Наблюдая за собранностью и сосредоточенностью, присущими творческому облику Л.И. Шугома, складывалось впечатление, что внутренняя работа не прекращается ни на миг, даже без инструмента. Можно без преувеличения сказать о том, что процесс творческой и жизненной самоорганизации превратили Льва Исаевича в настоящего героя труда! Во многом именно благодаря самоотреченному, непрерывному служению искусству, Л.И. Шугом получил поистине народное признание, и подтверждением тому стало присвоение почетного звания Народного артиста РФ.

Пианизм Льва Шугома, о котором так много написано восторженных отзывов, немислим без блистательных технических достижений, он был образцом истинного мастерства, в высшей степени качественного и технически совершенного. Его ошеломляющая виртуозность, умение развивать огромные звуковые пласты, не теряя из виду деталей и нюансов, абсолютное владение инструментом в любых темпах и динамических градациях, были поразительны.

Говоря о виртуозности Льва Шугома обратимся к содержанию латинского слова *virtus*, которое в переводе означает «доблесть». У многих современных пианистов виртуозность вовсе не соответствует своему происхождению, а наоборот заставляет забыть о нем. В безупречном пианизме Льва Шугома чувствуется присутствие рыцарского духа, романтического начала. Недаром один из коллег-пианистов С.Я. Вартанов назвал Льва Шугома «рыцарем без страха и упрека». Его доблесть-виртуозность неразрывно связана не только и даже не столько с преодолением технических трудностей, сколько со смелостью, увлеченностью, способностью воодушевляться самому и вдохновлять слушателей. В этой связи уместно вспомнить одно из метких высказываний Льва Исаевича: «Лучше не бояться и не сыграть, чем бояться и все равно не сыграть!»

Слушая Льва Шугома, даже в записи, создается ощущение, что ему всё подвластно и покорно. Свои творческие замыслы он воссоздает гармонично, цельно и «по-режиссерски» свободно. Как точно и выверено каждое движение пианиста, какой размах, смелость и броскость в пассажах, какая железная выдержка, умение держать внимание публики, создавать эмоциональный накал в напряженных эпизодах и дарить минуты отдыха и откровения в лирических фрагментах.

Но самое главное, его игра покоряла не только удивительной свободой и отточенной техникой, но, прежде всего, масштабностью и глубиной прочтения авторского замысла. Его умение понять, принять и воплотить замысел композитора можно расценивать как проявление особого дара и огромной любви к музыке. При появлении Льва Шугома на сцене, в каждом шаге от артистической к роялю чувствовались достоинство, сдержанность и в то же время колоссальная энергетика. Его взгляд в зал, поклон, сразу же создавали атмосферу значительности и высочайшего напряжения, не ослабевающего на протяжении всего концерта.

После приветственных аплодисментов любящей публики несколько секунд тишины «накаляли» обстановку в зале, а далее следовало настоящее волшебство – мастерское воплощение композиторского замысла, воссоздание «звуковой материи» в каждой музыкальной фразе, «произнесенной» с особым отношением. Между исполнителем и аудиторией мгновенно возникало взаимодействие, осязаемое на физическом уровне. Флюиды, заряженные энергетикой пианиста, пронизывали концертный зал, завораживали слушателей, оказавшихся во власти артиста с первых же звуков. Порой требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после такого эмоционального заряда.

Мне довелось проводить некоторые концерты Льва Исаевича, и находясь в артистической, я пристально ловила каждый момент подготовки исполнителя к выступлению, вплоть до выхода на сцену. Всё было интересно, всё ценно (или, пожалуй, бесценно) – и, погружаясь в мастерскую большого артиста, хотелось понять, проанализировать, осознать происходящее. Прежде всего захватывала невероятная внутренняя собранность, которая не покидала его ни на одно мгновение, и до, и после выступления. Особенно запоминающимся было выражение лица Льва Исаевича! Перед выходом на сцену оно оставалось со-

вершенно спокойным, но именно в этом спокойствии были сконцентрированы все качества, необходимые музыканту-исполнителю: уверенность, мужество, воля, артистизм, харизма.

Простота и благородство, целостность творческого замысла и его совершенное воплощение, слияние эмоционального и интеллектуального начал, ясное ощущение формы и пропорций – все это свойственно исполнительскому стилю Л.И. Шугома. Все это он стремился воспитать в своих учениках.

Педагогика стала одной из важных составляющих в жизни Льва Исаевича, в отличие от многих концертирующих музыкантов, которые отказывались совмещать эти две сферы деятельности. Влияние на учеников было столь же сильным, как и воздействие на слушателей. Нам выпало редкое счастье – учиться у настоящего Музыканта, обладающего огромным сценическим опытом в сочетании с абсолютным знанием всех компонентов фортепианного искусства, погрузиться в творческую лабораторию Л.И. Шугома.

Я прекрасно помню особый душевный трепет, который испытывала, приходя на урок, особенно на первом курсе. Но буквально через мгновение – после теплого взгляда или нескольких слов – напряжение незаметно исчезало и в классе воцарялась творческая атмосфера. Свое общение с каждым новым студентом Лев Исаевич всегда начинал с обращения на «Вы» (помню, что это было непривычно и некомфортно, поскольку возникала определенная дистанция между учителем и учеником). А дальше все зависело от самого студента, от его стараний, и переход на «Ты» у каждого происходил по-разному (для меня этот момент почему-то остался незамеченным, но мои старшие товарищи отмечали, что это произошло очень быстро).

В деятельности Шугома-педагога особенно отчетливо просматривается синтез художника-музыканта и человека! По отношению к ученикам всегда чувствовалось проявление отеческой заботы, стремление помочь в решении разных вопросов. Со Львом Исаевичем можно было поговорить по душам, зная, что всегда встретишь отклик и обязательно получишь верный ответ или мудрый совет. Разговоры могли быть на разные темы: от профессиональных вопросов до житейских проблем, поскольку Лев Исаевич всегда проявлял интерес к тому, что происходит в жизни его воспитанников.

Несмотря на внешнюю сдержанность, Лев Исаевич был добрый человек. Но эта та самая доброта, которая не бросается в глаза, ее нужно было заслужить. Он любил шутить, никогда не повышал голос, правда, в отдельных ситуациях профессор мог «поставить на место» нерадивого студента просто словом или даже взглядом. Но, студентам, оправдывающим надежды и ожидания, Лев Исаевич как мог помогал в реализации их собственных творческих возможностей! Он принимал непосредственное участие в судьбе каждого воспитанника своего класса, каждому задавал свой вектор профессионального развития.

Каждый урок, каждое прослушивание становилось важным этапом на творческом пути. После исполнения того или иного сочинения из программы начиналось самое интересное. Лев Исаевич садился за второй рояль и прини-

мался «за дело», размышлял, высказывал свое мнение, и обязательно играл, подкрепляя изложенные мысли звуками.

На каждом уроке Лев Исаевич демонстрировал потрясающую музыкальную эрудицию – он знал, и самое главное! – мог блестяще исполнить колоссальное количество сочинений различных жанров фортепианной, оперно-симфонической, камерно-инструментальной и вокальной музыки. Его игра в классе была могучим стимулом в нашей дальнейшей самостоятельной работе. Своими показами Лев Исаевич достигал яркого впечатления, ясно внушал понимание исполняемого произведения и при этом умел четко и убедительно сформулировать задачи в решении тех или иных пианистических проблем. В классных показах мы черпали вдохновение и новые творческие силы.

Он предлагал интересные варианты художественной интерпретации, делился собственными исполнительскими «находками», подсказывал те или иные пианистические приемы, оптимальные способы решения задач, связанных с техническими трудностями, с фактурными особенностями изложения музыкального материала, с вопросами формообразования и непосредственно с проблемами сценического воплощения задуманного. После столь плодотворного творческого общения с педагогом всегда возникало желание заниматься! Хотелось развиваться, думать, искать.

И фраза за фразой, сочинение за сочинением, мы обретали уверенность, учились себя слушать, контролировать свои намерения и действия, точно прочитывать нотный текст, вникать в контекст исполняемого произведения, искать свой исполнительский стиль и облик в процессе интерпретации и т.д.

В беседах на уроке Лев Исаевич старался побудить в ученике живой, свободный интерес к литературе, живописи, истории, расширяя сферу его познаний, тем самым выводя процесс обучения за рамки узкого ремесленничества. Для него было важно разбудить творческую инициативу ученика, и мы часто слышали фразу: «Надо еще самому подумать, поразмышлять над этим вопросом».

В годы моей учебы в Саратове (начало 2000-х) Лев Исаевич был на пике своей славы. И в связи с плотным концертным графиком нашего любимого «шефа» (так мы называли Льва Исаевича между собой) большую часть работы над произведениями нам действительно приходилось осуществлять самим. Но такая профессиональная «закалка», как показало время, приучила нас к самостоятельности, к умению ставить перед собой задачи и находить пути их решения. Студенты старших курсов «опекали» младших товарищей по классу, оказывали помощь в работе над новыми сочинениями, слушали друг друга, тем самым непосредственно погружаясь в будущую профессию, в педагогику.

Мне вспоминается, что после гастрольных поездок «шеф» всегда был в творчески приподнятом настроении, и обычно на вопрос: «Как прошли Ваши концерты?», вдохновленный Лев Исаевич отвечал весьма артистично, разыгрывая мини-сценку. Замолкал, направлял взгляд с прищуром куда-то далеко и через паузу, как бы прислушиваясь, продолжал: «Слышите? ... Публика еще аплодирует...». А дальше следовало оживленное общение, рассказы о каких-то интересных происшествиях и т. д.

Каждое выступление Льва Исаевича в Саратове (а их было большое количество) становилось особым событием для всех нас. Перед концертами мы всегда были обеспечены билетами, поскольку он очень заботился и дорожил своим классом. Интересно, что сам Лев Исаевич неоднократно высказывался о большой ответственности, которую испытывал перед своими учениками, самыми строгими, по его мнению, слушателями и критиками, присутствующими в зале. А нас переполняла невероятная гордость, что мы являемся воспитанниками Музыканта такого масштаба. И эти восторженные ощущения перерастали в чувство уважения и почитания, безграничной признательности и любви к педагогу.

Не было каких-либо профессиональных «тайн», которые бы музыкант берег для себя, наоборот, он щедро отдавал все свои знания и накопленный опыт ученикам. Но не только музыке и фортепианным секретам научил нас Лев Исаевич. У него были совершенно четкие взгляды о жизни, о том, каким должно быть отношение к своей работе, к окружающим. Еще одна черта, которая всегда вызывала во мне чувство уважения, – необычайная прямота и искренность, определявшая его поведение, стиль жизни. Он и нас учил искренности, чистоте и, главное, жизнестойкости. Он не выносил некомпетентность, непрофессиональный подход к делу, и всевозможные ошибки и промахи возмущали его. Он был требователен к окружающим, но прежде всего, он был взыскателен к себе!

Для тех, кто знал Льва Исаевича ближе, не только как артиста или педагога, он открывался другими сторонами своей богатой натуры – и как интереснейший собеседник с прекрасным чувством юмора, и как тонкий психолог, и как живой общительный человек. Поражали его предельная объективность, честность, нетерпимость к любой фальши, как в искусстве, так и в человеческих отношениях. Казалось, что в любой ситуации Л.И. Шугому удивительным образом удавалось сохранять цельность своей натуры, внутренний стержень. Он никогда не изменял себе и своим убеждениям – ни в общении с музыкой, ни во взаимодействии с публикой, ни в отношении своих учеников.

Важное свойство, которое определяло все жизненное *credo* Льва Шугома – бескомпромиссная требовательность к себе, к своему делу, устремление вперед, к совершенствованию. На сцене – огромная сила воздействия личности артиста, законченность и гармоничность во всем, ничего лишнего. В жизни, как и за инструментом, – предельная собранность, максимальная концентрация энергии, которую ни в коем случае нельзя «расплескать», наоборот, ее нужно сохранить и приумножить в своей деятельности. В классе – профессионализм высочайшего уровня, непререкаемый авторитет учителя и в то же время индивидуальный подход к каждому ученику.

Сейчас, по прошествии многих лет, я все больше убеждаюсь, насколько сильное влияние оказал Лев Исаевич на меня, как прочно вошли в мою жизнь его творческие принципы – исполнительские и педагогические. Глубокая духовная связь, возникшая в период учебы в классе Л.И. Шугома, до сих пор согревает мне душу, придает сил и уверенности в собственной профессиональной деятельности.

Признаюсь честно, мне очень не хватает общения с моим дорогим Учителем. В последние годы во время наших редких встреч мы беседовали о времени, о людях, о проблемах современного музыкального образования, о перспективах. Его мысли и суждения всегда были очень мудрыми, убедительными и казалось, единственно правильными!

После столь неожиданного для всех нас ухода из жизни Льва Исаевича в душе осталась пустота, которая порой кажется невозполнимой. Но несмотря на тяжелые переживания, этот создавшийся вакуум постепенно заполняется воспоминаниями. Память бережно хранит то трепетное волнение, с которым я ждала каждого урока, каждого концерта, каждой встречи с выдающимся музыкантом. Я благодарна судьбе за то, что она подарила мне возможность близкого общения с таким прекрасным человеком и огромным артистом. И сегодня самое большее, что мы можем сделать в память о Льве Исаевиче, – высказать слова глубокого уважения, искренней благодарности и огромной любви!

Спасибо!!! Спасибо от каждого выпускника, спасибо от всех, кто имел счастье приобщиться к его человеческой мудрости, музыкальному дару и педагогическому опыту.

Низкий Вам поклон, дорогой Лев Исаевич!

Мария Хабарова (Грачева)
заместитель директора МБУДО
"Детской школы искусств №8 "Радуга", г. Самара,
выпуск 2004 года

В память о моем дорогом и любимом учителе – Льве Исаевиче Шугоме

Воспоминание – род встречи
Хамиль Джубран

...Никогда не забуду этот день. Июль 1999-го, жара. Я с семи утра сижу перед консерваторским классом №44 в очереди, в надежде получить консультацию перед вступительными экзаменами по специальности. Консультацию проводит профессор Лев Исаевич Шугом. Прежде мне не доводилось с ним сталкиваться, но по реакции окружающих я понимаю, что за дверью тот, кого безмерно уважают, кем восхищаются, слегка «побаиваются» и во чтобы-то ни стало рвутся к нему попасть (ну хотя бы на консультацию).

И вот уже где-то в полпятого вечера я наконец-то захожу в класс. Сажусь за рояль, проигрываю всю программу и с трепетом поворачиваюсь к «мэтру», готовая выслушать заслуженную критику в свой адрес. Однако, вопреки моим ожиданиям, вместо критики я слышу слова ободрения и поддержки. А вслед за несколькими весьма ценными советами в плане исполнения следуют обычные

вопросы: кто я, откуда, у кого училась, почему считаю для себя необходимым выбрать именно эту профессию? Одним словом, уже через пару минут сидящий передо мною человек из строго цензора превратился в участливого собеседника, проявляющего ко мне неподдельный интерес и готового в любой момент оказать поддержку.

А далее началось самое интересное, ведь он сам сел за рояль, чтобы устроить мне небольшую репетицию коллоквиума. И вот тут... Я просто застыла на месте и потеряла дар речи... Блестящая техника! Бешенная скорость! Глубокий бархатный звук, филигранная нюансировка и просто потрясающие руки! Такое ощущение, что они были созданы специально для игры на рояле. А какая великолепная память и эрудиция?! Вот так вот, с ходу, по памяти, он играл отрывки из множества произведений, причем не только фортепианных. Звучали оперные клавиры и симфонические партитуры. Просто феноменально!

Нужно ли говорить о том, какой мощный психологический заряд я получила на этой консультации! За спиной как будто бы выросли крылья! ... С этого дня я буквально влюбилась в своего будущего педагога. Я поняла, почему все в округе им так восхищаются. А разве может быть иначе?! Кумир, эталон профессионализма, стиля, личностных качеств – вот кем он стал для меня.

Лев Исаевич всегда был больше, чем просто учитель. Потому что он не просто учил играть на рояле, он учил думать, мыслить, анализировать и сопоставлять, чувствовать и не бояться проявлять свои эмоции, воспитывал вкус и понимание стиля, а еще он всегда оставлял ученику право на ошибку. Иногда это самое сложное и самое важное! Обладая безграничным авторитетом, он никогда им не злоупотреблял. Не «давил» и не пытался «ломать», но бережно «выправлял» то, что нужно было исправить, уважая мысли и чувства другого. От него исходила необычайная теплота. Он действительно искренне интересовался проблемами своих учеников, всячески помогая их решать. Эта трогательная забота была необычайно важна, особенно для иногородних студентов.

Лев Исаевич, низкий Вам поклон за все, что Вы сделали в моей жизни! Вы подарили мне не только профессию, вы подарили мне пять незабываемых лет учебы в атмосфере творчества, профессионализма, доброжелательности и искреннего притяжения. Я благодарна судьбе за то, что когда-то она свела меня с Вами, и сегодня я с гордостью могу заявить о том, что я Ваша ученица. И хотя Вас уже нет рядом с нами, Вы все равно продолжаете жить в нашей памяти, в наших сердцах, в наших словах и поступках. «Воспоминание — род встречи». А это значит, что мы ещё долго и часто будем встречаться с Вами в различных уголках нашей Вселенной, на перекрестках времени и мироздания.

Елена Маишталова
Австрия, г. Вена
выпуск 2002 года

Вспоминая моего дорогого и любимого учителя

Трудно смириться с тем, что Льва Исаевича нет с нами. Настолько он стал частью моей судьбы почти с самого начала учёбы в Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова...

Поступала я по рекомендации в класс к О.В. Одинцову. Это был замечательный, добрый и светлый Человек, прекрасный Педагог и Музыкант. Он многому меня успел научить, хотя занималась я у него совсем недолго. Но Олег Владимирович заболел и тоже очень рано "ушёл"...

Передо мной встал вопрос: "К кому же попроситься на дальнейшее обучение?" К этому времени я уже бесповоротно влюбилась в этот прекрасный город на Волге – Саратов. И в Консерваторию, с её мощными традициями, историей и таким сильным составом педагогов-музыкантов. Но среди этого достойного коллектива явно и ярко горела Звезда Л.И. Шугома. Моё сердце подсказывало мне, что надо проситься именно к нему! Второй курс оказался очень непростым годом. Зимнюю сессию мы готовили и сдавали самостоятельно, так как О.В. Одинцов болел. С экзаменом я справилась благополучно и получила на летний экзамен новую программу. Помню, что одним из произведений был Третий концерт С.В. Рахманинова (I часть). Наверно, это всё неслучайно, как знак благословения от О.В. Одинцова, но об этом можно теперь только догадываться. Лев Исаевич очень поддержал меня в тот непростой момент, помог подготовиться к экзамену и взял в свой класс.

Творчество С.В. Рахманинова и Третий концерт, в частности, стали вообще чем-то очень важным и знаковым для меня. Доигрывала II и III части я позднее, на 4 курсе. И судьба распорядилась так, что именно после 4-го курса я очень сильно заболела и приступила к окончанию консерватории лишь через полтора года, окончив 5 курс фактически за полгода. В очень сложный период моей болезни Лев Исаевич не оставлял меня своим вниманием, поддерживал, как мог.хлопотал и добился выделения материальной помощи от консерватории и смотивировал ребят нашего класса собрать для меня посылку с подарками и тёплыми пожеланиями, что было особенно трогательно и приятно. И всегда его помощь приходила вовремя. И когда он находил время?! Сам всегда интенсивно и успешно преподавал, играл сложнейшие многочисленные концерты в России и за рубежом, организовывал фестивали и конкурсы, занимался семьёй и домом, а впоследствии еще и управлял Консерваторией, будучи ее Ректором!

Я очень благодарна судьбе за то, что она подарила мне еще два года обучения в его классе в творческой аспирантуре, куда я получила направление после успешно сданных Государственных экзаменов. Хотя это было уже другое

обучение, заочное, когда я довольно редко бывала на уроках и многое делала самостоятельно. Я тогда начала уже преподавать на фортепианной кафедре в музыкальном вузе родного города Ульяновска и приезжала в Саратов ненадолго на занятия и на сессию.

Лев Исаевич всегда своим примером вдохновлял нас, учеников, на большие достижения. Вспоминаются слова А.П. Чехова: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...». Конечно же, Душа... Человеческие качества – настоящие – превыше всего. Понятие «этика» я усвоила на всю жизнь в весьма короткие сроки обучения в его классе. Быть честным и порядочным всегда и во всём – было главным правилом жизни в классе Льва Шугома и за его пределами. Выполнять всё, не смотря ни на какие трудности, согласно договорённости. Вспоминается случай, когда мы с одноклассницей, пообещав, забыли вовремя снять висевшую афишу, которая была уже неактуальна, и заработали его строгую критику, т.к. всё и всегда должно быть сделано вовремя. Он научил уважать своё время и время других людей.

Он сплотил своих учеников в большую семью, мы жили интересами друг друга и большими общими планами и проектами. Конечно, в классе витал дух определённого соревновательства, каждый студент стремился достигнуть своего максимального уровня, и мы работали по многу часов в день, следуя примеру нашего Учителя. Мы с интересом и немного ревностно расспрашивали друг друга, как прошёл урок, в каком настроении был Лев Исаевич, кто какую программу играет. Он сам всегда говорил, что главное для него, чтобы человек был хорошим, а научить «нажимать на кнопки» – его слова – можно практически любого. Как мы обожали его чувство юмора! Он всегда с лёгкостью разряжал накаляющуюся обстановку случаем из жизни или весёлым анекдотом. Вспоминается, как я где-то неделю трудилась по многу часов в день, разбирая пьесу «Исламей» Балакирева, с первой ноты до состояния сыграть её наизусть. Когда я с гордостью пришла на урок, чтобы показать свои достижения, Лев Исаевич сострил: «Ну, как, за полчаса справишься?» (Пьеса в нормальном темпе обычно исполняется за 8-9 минут). Но такие его шутки с элементами сарказма были очень приятными, т.к. одно то, что разрешалось играть сложнейшего «Исламея», было уже очень почетным моментом в жизни.

Лев Исаевич влиял и формировал наши музыкальные вкусы и пристрастия, но делал это очень деликатно, ничего никому не навязывая. Хотя иногда, бывало, он прямо выражал свое мнение, если то или иное произведение не казалось ему интересным для работы в классе. В таких случаях он обычно говорил с лукавой улыбкой: «Вот закончишь консерваторию – тогда и сыграешь Это!» В выборе репертуара он предоставлял нам – ученикам – много свободы, но опять же предостерегал от неверных ходов. Обычно мы приносили два-три варианта желаемой на ближайшее время программы, и он мог одобрить или не одобрить их. Что касается тонкостей пианизма, исполнительских приемов – этому каждый учился у него по-своему, никогда не было какого-то диктаторского «натаскивания» и шаблонной «дрессуры». Учитель творчески подходил ко всему, «шутил» на рояле, играл всегда на уроке массу примеров из других

произведений, начиная от обширных цитат из опер, симфоний, до паразифраз и импровизаций. Выбор аппликатуры был важным моментом в начале работы над произведением, и Лев Исаевич научил нас также подходить к этому процессу творчески, показывал много способов, как можно облегчить и сыграть то, что кажется невероятно сложным. Надо лишь продумать аппликатуру, только «ловкость рук и никакого мошенничества!» Иногда он очень обижался, если я не внимала его рекомендациям, и продолжала играть «своими пальцами». Жалею сейчас об этих моментах, но тогда я отчаянно пыталась отстоять свою точку зрения. Про меня он вообще всегда говорил, что я не ищу легких путей. Как же он был прав!

Несмотря на то, что Лев Исаевич был блестящим исполнителем сложнейшей виртуозной музыки, и многим казалось, что это его «конёк», для него самого важнее была удачно сыгранная Лирика, где полнее выражается Душа, со всеми её нюансами. Любовь к фортепианной лирике он негласно привил многим из нас. Очень приятно вспоминать сейчас те моменты, когда после своего выступления Лев Исаевич вызывал меня в класс для разговора тет-а-тет и моего личного отклика о его игре. Это настолько помогло мне поверить в себя, – то, что мои вкусы и понимание музыки оценил сам Лев Исаевич! Такое невозможно забыть. Спасибо ему за это!!!

Наша Любовь к Учителю была взаимной. Лев Исаевич очень искренне интересовался жизнью каждого своего ученика, знал о нашем окружении, спрашивал о родных и близких. Много душевного происходило вне стен консерватории. Вспоминаются наши поездки на концерты, конкурсы, где он потечески заботился, чтобы мы вели себя прилично, были сыты и здоровы, чтобы нас никто не обидел. Дарил нам подарки и сувениры, которые привозил из гастрольных поездок. Невозможно забыть нашу совместную концертную поездку в мой родной город Ульяновск для обыгрывания выпускной экзаменационной программы. Лев Исаевич нашёл время приехать, саккомпанировал мне концерт Рахманинова (на этот раз Четвертый – все три части) и сам сыграл сольный концерт в концертном зале Ульяновского музыкального училища. В наше училище приезжали многие музыкальные знаменитости, но заведующая фортепианным отделением (ныне, к сожалению, тоже покойная), отличник труда СССР, заслуженный работник культуры РФ С.М. Лашманова сказала: «В этом зале ТАК еще никто никогда не играл!..» А мой брат, который любит музыку, но далёк от классики, восхищенно слушал игру Маэстро, пробирающую каждого сидящего в зале до глубины души. Поистине Народный артист, творчество которого нравилось очень-очень многим в России и за её пределами. Его сильное обаяние было не только внутренним, но и внешним. Всегда модно одет, подтянут, в прекрасной спортивной форме – ведь круг его жизненных интересов не замыкался только на классической музыке, а был очень широк. Однажды мой папа, увидев впервые Льва Исаевича на фотографии, сделанной во время урока, спросил: «А это что за парень с тобой сидит?». «А этот “парень” – как раз наш Лев Исаевич!», – ответила я.

Хочется в конце повествования сказать, что все слова кажутся недостойными его. Он сам не любил писать. Говорил, что проще выучить и сыграть новую концертную программу. Видимо, слова казались ему слишком прямым, менее чувственным и в каком-то смысле не поддающимся коррекции средством общения. А вот Музыка доходит до сердца лучше, быстрее, мягче и понятнее, не обидев и не ранив кого-то, оставляя не менее глубокий след в душе. Вспоминаю, как он улыбнулся над моей творческой характеристикой для конкурса, самостоятельно составленной и довольно многословной, коротко заметив: «Ты сначала сыграй!» Всегда мог дать ценный жизненный совет. А еще Лев Исаевич напутствовал меня когда-то: ни на кого никогда в жизни не надо рассчитывать, а только на себя! Это мне очень пригодилось, особенно, когда моя жизнь круто изменилась в связи с переездом в другую страну.

Однажды Лев Исаевич плывал по Волге на теплоходе и оказался проездом в Ульяновске. Конечно, я была очень рада видеть его, хоть и так коротко, ранним-ранним утром прямо около палубы корабля. В то время я окончила аспирантуру, работала в родном Ульяновске в музыкальном училище и вузе, и самостоятельно готовилась к конкурсу имени Й. Брамса в Австрии. Лев Исаевич, поразмыслив, взвесив сроки, оставшиеся до конкурса, и сложность выбранной мною программы, убедил меня участвовать в другом конкурсе, который проходил прямо в Вене. Мы сразу совместно скорректировали программу, в которой был сделан акцент, кстати, опять же на сочинениях С.В. Рахманинова. Эта поездка в Вену, кроме успешного выступления на конкурсе, повлияла на мою дальнейшую судьбу ещё и тем, что именно в Вене я встретила человека, который впоследствии оказался моим мужем и отцом моих двух замечательных дочек, которых Лев Исаевич, к сожалению, так и не увидел...

В душе всегда тепло, когда вспоминаю о нём. Восхищение. Благодарность. Боль. Любовь. Печаль и Грусть. Светлая Память Вам, наш дорогой Учитель!

Мария Садритдинова
преподаватель, концертмейстер
Детской музыкальной школы
имени И.О. Дунаевского, г. Москва
выпуск 2015 года
ассистентура-стажировка – 2017 год

Память сердца

Вспоминаю... Всякий раз специальность была у меня утром, чаще – в 9 часов, поскольку, во-первых, я любила проводить утренние часы за работой и вставать рано не представлялось мне трудным, а во-вторых, я единственная из

студентов класса жила в ближайшем общежитии, что, собственно, и лишало меня иного выбора.

Момент ожидания урока ...в нём всё! И страх, и радость, и волнение, и восторг! С 6-ти часов разыгрываешься, готовишься, убеждаешь себя, что, в общем-то, к уроку готова и сделала всё необходимое, но слышишь знакомые приближающиеся шаги в коридоре и леденеешь от ужаса. Становится страшно, что вдруг не оправдаешь Его ожиданий или испортишь Ему настроение своей ученической игрой, и тогда начинает казаться, что текст улетучивается из головы, память безнадежно слабеет и ты окончательно крепнешь в мысли, что в нужный момент не удастся извлечь ни звука из того, что так старательно запоминалось. Но достаточно было Льву Исаевичу войти в класс с улыбкой на лице, волнение как рукой снимало, чувствовалось Его доброжелательное отношение и от страха не оставалось и следа. Но бывало и по-другому: Он входил суровым, и тогда словно тучи заполняли класс. Да, именно Лев Исаевич много значил в моей жизни. Был центром, определяющим началом, одним словом – Учителем.

Когда я приехала в Саратов учиться из своего родного города, я сильно переживала разлуку с родителями, с братом и сестрой, я скучала по привычной домашней обстановке, в общежитии всё было для меня ново, всё как-то не так, по-другому. Надо сказать, мучилась я долго, никак не находила хоть какого-то успокоения! Единственной отдушиной стала для меня специальность, вскоре она заменила мне всё. Лев Исаевич был для меня и отцом, и матерью, и братом, и сестрой, словом, всем тем, что я любила, и к чему была привязана (конечно, это не мешало мне по-прежнему, а может, даже больше любить своих родных). Он был внимателен ко всему, подмечал малейшие нюансы в настроении, интересовался делами. А какие советы он давал! Всегда чувствовалась Его могучая поддержка, Он заражал своей волей, вселял уверенность. Я чувствовала, что после каждого урока у меня вырастают крылья.

Я любила слушать наставления Льва Исаевича, в которых он подсказывал, к чему стремиться, чего остерегаться. С большим удовольствием Он делился с нами новыми знаниями, жизненным и профессиональным опытом:

«Машенька, ты слишком широко смотришь на мир, надо сузить свой прищур, нельзя быть такой доверчивой и судить о людях по себе». «Сердце может быть сколь угодно горячим, но голова должна оставаться холодной». «Всегда важна мера, и если ты профессионал, то должна знать ответ на вопрос – сколько? Не приблизительно знать, а точно». «Педагогическая задача должна быть чётко сформулирована словами». «Сталь закаляется огнём». «Что бы ни происходило, т.е. в любых ситуациях, главное – сохранять своё лицо». «Никогда не терять чувство собственного достоинства, ни на кого не смотреть снизу вверх». «Боишься, потому что не чувствуешь за собой силы, а её надо чувствовать всегда». «Не надо сравнивать себя с другими, надо сравнивать себя с собой – каким ты был вчера, каким стал сегодня; вопрос в том, насколько полно ты раскрываешь свой потенциал, и всё ли делаешь от тебя зависящее».

Лев Исаевич всегда интересовался нашими делами и вне специальности, радовался успехам и по другим предметам, давал многочисленные советы – на что обратить повышенное внимание, где затратить больше времени. В самостоятельной работе студентов ценил добросовестность, аккуратность, умение запоминать его замечания (он называл это – «реагировать на замечания»), а вот единственное, чего не прощал – это небрежности. *«Я многое могу простить ученику – его лень, невнимательность, забывчивость (о нотном тексте), но никогда не стану прощать одного – небрежности».*

Выбор программы представлял собой самостоятельный подбор не менее трёх вариантов полифонии, крупной формы /концертов /вариаций /, развёрнутых пьес или циклов, этюдов. Лев Исаевич внимательно выслушивал наши предложения и либо соглашался, либо нет, предлагая в некоторых случаях свою версию программы.

Интересно рассказать о том, как был построен учебный процесс в классе: год / семестр начинался с классного собрания, где составлялось расписание, и окончательно согласовывалась программа на полугодие. На первом уроке проходил показ всей программы, пройденной за каникулы самостоятельно (не наизусть, но уверенно по нотам, в приближенном к окончательному темпе). Далее начинались так называемые «подробные уроки», когда Лев Исаевич, сидя рядом, всматриваясь в ноты и в происходящее на клавиатуре, тщательнейшим образом «вычищал» текст. Это проделывалось со всей программой. Это была «половина пути», пройденная Львом Исаевичем, остальное – наша работа, т. е. он говорил примерно так: «Свою половину пути я прошёл, далее дело за вами».

На следующих уроках программа демонстрировалась в «улучшенном» виде; назначалась дата первого прослушивания (в первом семестре программа должна быть наизусть к концу октября, во втором – к началу апреля). Далее – три классных прослушивания (примерно за месяц-полтора до экзамена) – экзамен с подведением итогов – выбор новой программы. Когда произведение начинало приобретать законченный вид, Лев Исаевич просил с большим вниманием отнестись к так называемой «режиссуре», он предлагал подумать, пофантазировать, послушать авторитетных исполнителей, подметить в их интерпретации интересные детали.

Помню, предстояло мне «срежиссировать» Пятый полонез Шопена. Я в то время увлекалась фигурой Горовица и, естественно, решила что-то перенять у него, а именно, в одном из срединных эпизодов такое нехитрое крещендо. Лев Исаевич, дослушав до конца, удивился и вопросительно посмотрел на меня. «Зачем тебе понадобилось такое странное раздувание звука!?!», – сурово спросил он. Я не нашлась ответить ничего другого, кроме как то, что “подслушала” этот приём у Горовица. Тогда, улыбнувшись, и после некоторой паузы, Лев Исаевич сказал: «Горовиц пусть так играет, а вот шугомовец так играть не будет!» Я, конечно, не была права, но в тот момент я зарделась от удовольствия. Последнее время чаще приходилось слышать такие комментарии к игре: «проще», «доверительнее», «интимнее», «теплее», «тоньше». Помню, играла «Маргаритки» С. Рахманинова, так вот Лев Исаевич сказал следующее: *«Есть что-то изящное,*

утончённое в имени Маргаритка, по-детски наивное и лёгкое, твоё же исполнение скорее рисует портрет некой Маргариты – большой и немолодой особы». При работе с текстом: «Посмотри внимательно, разберись, что главное, а что уходит на второй план, где есть акценты, а где их нет. Это же относится к динамическим указаниям, к штрихам, к длительностям, к паузам и т.д. ...» «Сначала исполни всё, что написано в нотах, все авторские указания, а потом уже, если понадобится, добавишь что-то от себя», – явно намекая, что добавить будет уже нечего, ибо, как правило, авторский текст самодостаточен и не нуждается в наших дополнениях.

«Нельзя неразыгранным выходить в зал». «Нельзя недоученное сочинение показывать публике. Зачем подставляться?!» Ругал за выражение “обыграть” программу: «обыграть кого-то можно в шахматы и в карты, а программу можно только исполнить!» Бранил за выражение «ХТК», признавал и настаивал только на полном названии, говорил, что это всё равно, что сказать – Концерт для фо-но с оркестром. «Трудную специальность вы выбрали, ребятки! Профессия концертирующего музыканта требует колоссальных внутренних ресурсов, невероятной подготовки, крепких нервов и могучей воли. Это сродни профессии космонавта или пожарного».

Важным было для Льва Исаевича понятие «свой человек». Часто можно было слышать: «это не наш человек», или «это наш человек». Надо сказать, круг «наших людей» был достаточно узок. Из увлечений признавал различные виды спорта. Помню, как не обошел он вниманием моё первое место по плаванию среди студентов консерватории. Пришёл на специальность с газетой «Камертон», где была помещена фотография и статья. Меня переполняло чувство особой гордости, когда я поняла, что Лев Исаевич одобрительно отнесся к моему участию в спортивных соревнованиях.

Лев Исаевич никогда не делал никаких карандашных пометок в нотах, он говорил: *«Я не доверяю бумаге... стоит записать какую-то важную информацию – всё! – можно считать её забытой, потому что всё надо запоминать только головой, помещать информацию в ячейки памяти, словно мёд, укладываемый пчёлами в соты». «В спокойной обстановке всякий может заниматься толково, а вот уметь сосредотачиваться на задаче в суете и шуме – задача не для всех выполняемая, и тем не менее, сейчас это необходимый навык». «На сцене не волнуется только бревно! Если голова пустая, туда непременно придёт волнение, но если во время исполнения думаешь о конкретных задачах, будь то штрихи, динамика, фразировка, ритм и т.д., волнению просто не останется места». О важности 5-го пальца – «Верх, верх! Держаться за мелодию!» Лев Исаевич настаивал на преобладании Разума над Чувствами, иной раз чувства он иронично называл – «чуйства». «От всего спасает работа (погружённость с головой в материал)». «Всё выступление должно быть в голове: будет в голове – сыграешь, не будет – не сыграешь».*

Пунктуальность и дисциплинированность считал наиважнейшими качествами. Он объяснял, что время – один из главных наших жизненных ресурсов. Лев Исаевич формировал особые отношения внутри класса, объясняя это так:

«Класс – это как «цеховое братство». Мы должны быть сплочёнными, помогать друг другу, во всём друг друга поддерживать». Так и было.

Всегда справлялся о здоровье родителей, спрашивал, как дела дома. Нашим самочувствием также интересовался. Помню, приключился со мной случай. Забавный, наверное... В книжном магазине одна покупательница уронила мне на голову книгу. Я сидела на корточках у нижнего стеллажа и, получив удар, упала, едва не потеряв сознание. Слёзы так и посыпались из глаз. Мне помогли подняться добрые работницы магазина, а вот «женщина-злодейка» скрылась с места преступления. Я чувствовала сильную боль и ощущала на своей макушке шишку величиной с картофелину. Позднее я узнала, что у меня сотрясение мозга. Думала, отлежусь и всё пройдёт.

На следующее утро я пришла на специальность. Лев Исаевич уже всё знал. Он отправил меня в общежитие за паспортом и зонтиком (т.к. была дождливая осенняя пора) и велел ждать его в вестибюле через 5 минут. Мы пошли в больницу. Лев Исаевич сидел со мной в очередях, был со мной у специалистов. После всех обследований заключили, что у меня сотрясение. Были строгие предписания, лекарства... Но было и осознание того, что мне сотворил Добро самый великодушный и милосердный человек во всём мире! Это ли не счастье?!

Моё долгожданное посещение цирка. О существовании в Саратове цирка я знала заблаговременно, стремилась туда с самого первого курса. Но то дела отвлекали, то цены кусались, и я всё время откладывала визит “на потом”. Можете представить мой восторг, когда вдруг позвонил Лев Исаевич и предложил мне два пригласительных билета?! И я пошла в цирк, взяв с собой подругу. Радости и удовольствию не было предела. Но чудеса продолжались...

В тот момент, когда я предъявила билетёрше наши, как оказалось, «особые» билеты, ситуация начала принимать неожиданный оборот. Она изменилась в лице, как-то «вытянулась», повелительным жестом подозвала мужчину в длинном чёрном фраке и белых перчатках и в его чрезвычайно обходительном присутствии направила нас в гардероб. Нам помогли раздеться, аккуратно повесили на плечики наши болоньевые курточки. Далее вежливый мужчина сопроводил нас к местам в зрительном зале, которые, как оказалось, находились ни больше ни меньше в правительственной ложе с гербом Саратовской области и лучшим видом на арену! Нам подали сладкую вату и мороженое, и любезно поинтересовались нашим комфортом. Большого нечего было и желать!

В тот же день я со словами благодарности позвонила Льву Исаевичу. Когда после долгих восклицаний и восторгов я, наконец, переключилась на серьёзный вразумительный тон, у меня получилось примерно следующее: «Лев Исаевич! Вас о-о-очень уважают в цирке!». Шквал смеха услышала я в ответ, а свою нелепость поняла не сразу... Но ощущение радости ещё очень и очень долго не покидало меня...

Любовь Моисеева
ассистент-стажер Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова, г. Саратов
студентка 2013–2017 гг.

Подарок судьбы

Я поступила в Саратовскую консерваторию в 2013 году. Можно подумать, что я попала в класс Льва Исаевича случайно, но я уверена, что в жизни случайностей не бывает. Я не брала у него консультацию перед поступлением, да и решение о поступлении именно в Саратовскую консерваторию было принято внезапно. Но, почему то, меня тянуло в этот город, и я чувствовала, что мне нужно продолжать своё обучение именно в Саратове. В момент вступительных экзаменов Лев Исаевич был в отъезде. Экзаменационная комиссия высоко оценила мое исполнение программы по специальности и ответ на коллоквиуме, и от некоторых педагогов-профессоров даже поступили приглашения в свой класс, что для меня было удивлением и большим комплиментом! Но я была в растерянности, и даже не представляла, с кем из этих прекрасных музыкантов я бы хотела связать свою дальнейшую творческую судьбу. И после звонка заведующего кафедрой специального фортепиано Альберта Михайловича Тараканова я узнала, что распределена в класс самого Шугома! Поначалу я даже не могла в это поверить, что удостоена такой чести – учиться у Народного артиста России, у известного музыканта-виртуоза.

Первые два курса были не простыми для меня, во-первых, это был шаг на ступень высшего образования – консерваторского, во-вторых, это был переход от одного педагога к другому, со своей исполнительской «школой». Времени на акклиматизацию в новых условиях не было, нужно было быстро входить в колею и перестраиваться на новый этап жизни. К сожалению, процесс адаптации занял у меня больше времени, чем хотелось бы.

Во взаимоотношениях с нами, студентами, Лев Исаевич держал дистанцию. И это объяснимо – чего стоит совмещать несколько видов деятельности и держать планку на высочайшем профессиональном уровне. Общались мы мало, безусловно, проблема была в моей стеснительности нерешительности, а ведь мне так хотелось столько всего у него узнать! Но позднее, я поняла, что надо самой проявлять инициативу, обсуждать, интересоваться, спрашивать совета. С каждым уроком, после каждого концерта, насколько позволяло время, мы всё больше обменивались впечатлениями, даже шутили. Лев Исаевич рассказывал истории из жизни, о годах учёбы, о своём учителе – Семёне Соломоновиче Бендицком. Я стала больше понимать, чего от меня хочет мой учитель, и как мне кажется, Лев Исаевич стал больше понимать меня, что я хочу сказать своей игрой, какой я человек. Я стала раскрываться как музыкант, и уже не чувствовала ограничений моей свободы выражения, наконец, я смогла проявить свою индивидуальность, но конечно же, в рамках разумного.

Хотелось бы упомянуть некоторые интересные методы в педагогике Л.И. Шугома, который занимался не только обучением игре на фортепиано, но и воспитанием личности своих студентов. Он многому учил нас своим примером, относился к себе довольно строго, самокритично, как в плане игры, так и в плане внешнего вида. Мы попадали в его класс, обладая своими особенностями, привычками, но Лев Исаевич находил индивидуальный подход к каждому из нас. Он не терпел неряшливости, как в игре, так и во внешнем облике и любил повторять меткую фразу, смысл которой я поняла не сразу: «Обращайте внимание на детали». Лев Исаевич рассказывал, как однажды, к нему на урок пришёл юноша, в грязной обуви и лёгкой небритостью на лице, на что Лев Исаевич ему сказал: «Я знаю хорошую парикмахерскую, недалеко, где тебя могут побрить, и ещё на проспекте есть чистильщик обуви, пойдём я тебя туда отведу?». Впредь этот молодой человек приходил на специальность в опрятной обуви и одежде и гладковыбритый. Таким образом, он приучал нас относиться со вниманием к этим самым «деталям».

Что касается «деталей» в музыке, то он не разрешал делать в нотах ни одной пометки, просил запоминать всё и сразу и держать это в голове. Предельно внимательно и уважительно наш учитель относился к нотному тексту. Он не терпел, если играющий менял авторские нюансы или добавлял в аккорд лишнюю ноту. В конце каждого урока, после подробного разбора исполнения, высказанных замечаний и пожеланий, Лев Исаевич давал время на то, чтобы ученик внимательно посмотрел сначала и до конца нотный текст, запомнил все указания и только тогда отпускал.

Меня всегда удивляло, как ясно он смотрел в самый корень проблемы, почему у ученика неоднократно не получается тот или иной пассаж, фрагмент произведения. Лев Исаевич никогда не повышал на нас голос, одного его взгляда, характерного вздоха было достаточно, чтобы привести студента в чувство. Когда он видел, что кто-то не должным образом выполняет свою домашнюю работу, проводил с нами индивидуальные или групповые воспитательные беседы, чего мы, конечно же, очень боялись и трепетали от многозначительных пауз в его голосе. А если у студента не получался технически сложный фрагмент или что-то было непонятно, то Лев Исаевич сразу находил решение данной проблемы, пояснял, предлагал удобный вариант аппликатуры, фактуры, штрихов.

Лев Исаевич, обычно сидел за своим столом и терпеливо прослушивал все принесённые нами разобранные произведения до конца, не останавливая. На следующий урок он садился за соседний рояль или рядом и подробно «проходил» с нами эти произведения. На третий урок мы должны были исполнить их наизусть, в удобном, среднем темпе.

Вспоминается случай, когда я первый раз принесла на урок только что разобранный Скерцо b-moll Шопена, играла в среднем темпе по нотам, и некоторые виртуозные эпизоды у меня не выходили. Тогда Лев Исаевич сел за рояль, и сыграл Скерцо так лихо, блестяще, что я не могла его послушаться, хотелось, чтобы он играл ещё и ещё. Те моменты, что у меня не получались, он играл так легко и здорово, что приводило меня в восторг, и до конца произведе-

ния я стояла с широко раскрытыми глазами! После его исполнения, я не могла и слова произнести, но Лев Исаевич, наверняка увидел мою реакцию, и сказал: «Ну что, поняла, как это место нужно играть? Что тут сложного-то?». В то время мне казалось, что наши занятия проносятся молниеносно.

Лев Исаевич очень бережно относился ко времени, и музыкальному и астрономическому. Я всегда восхищалась тем, как он грамотно и чётко планировал свой распорядок дня. Он успевал всё! Вести ректорскую работу, совмещая её с блестящей концертной деятельностью, успевал регулярно заниматься сам, тщательно работал с учениками и многое другое. Наш учитель был чрезвычайно пунктуальным человеком, чего требовал и от нас. Мы и подумать не могли, опоздать к нему на урок, хотя бы на 1 минуту! Мне вспомнился случай, когда я впервые пришла к нему на занятие. Лев Исаевич назначил мне встречу на 10.00. В 9.45 я стояла возле 44 класса, где должен был состояться урок, конечно, уже «разыгранная». В 9.57 пришёл мой учитель, удивился, почему я ещё не взяла ключ от класса, и отправил меня в диспетчерскую. Стремглав я сбежала по лестнице на первый этаж, взяла ключ, взбежала на третий, а Лев Исаевич, глядя на часы и улыбаясь, сказал: «Хм, 9.59 – успела»!

Вспоминается ещё один показательный случай. Однажды, я пришла на один из первых своих уроков, а Лев Исаевич заканчивал заниматься с предыдущим учеником. Я зашла в класс, открыла ноты и начала повторять выученный текст, вспоминать все указания и замечания, из прошлой нашей встречи, ожидая окончания предыдущего урока. Потом я почувствовала на себе строгий взгляд своего учителя, и посмотрела на него. Лев Исаевич остановил играющего студента и объяснил: «Когда вы заходите в класс, ваш урок уже начался. Вы должны слушать, как я занимаюсь с другими учениками, запоминать и принимать к сведению всё происходящее. Вы не должны заниматься домашней работой на своём уроке».

Несмотря на всю строгость характера, Лев Исаевич всегда помогал нам, в решении той или иной проблемы, стоял горой за каждого студента! Он был добрым, мягким человеком и имел искромётное чувство юмора. Перед каждым выступлением он вселял в меня уверенность в себе, я чувствовала защиту и поддержку, будто за ним – как за каменной стеной. Как-то раз, на первом курсе я поделилась со своим учителем, что очень волнуюсь, на что услышала такой ответ: «Правильно – волнуйся! Но только до выхода на сцену. Лучше не бояться и не сыграть, чем бояться, и всё равно не сыграть. Если человек в своей голове оставляет место для боязни, чувства волнения на сцене, это значит, что голова его занята не тем, и, следовательно, нет смысла выходить на публику. Нужно стараться держать постоянный контроль над собой, исключить все посторонние мысли из головы, и думать только о том, что и как я играю, каждую секунду, каждое мгновение».

Каждый раз, приходя на урок, я испытывала такое сильное чувство ответственности и волнения, будто иду на свой сольный концерт. Я всегда боялась его огорчить, расстроить своей игрой, так как он действительно очень печалился, когда мы играли плохо, не оправдывали его надежд.

Если ученик играл неподобающим образом, неряшливо, грязно, Лев Исаевич демонстративно поворачивался к окну и начинал глубоко вздыхать, что усугубляло положение играющего, который начинал спотыкаться ещё сильнее, а теперь и вовсе ждал, чтобы это «испытание на прочность» закончилось побыстрее. Сейчас, конечно, мы вспоминаем об этом смеясь, но тогда это было просто ужасно. Когда, наконец, брался последний аккорд, студент быстро убрал руки с клавиатуры и с содроганием сердца ждал плачевного вердикта. Лев Исаевич, в свою очередь, делал глубокий вздох, выжидал долгую паузу и потом начинал говорить... Такие его действия безусловно стимулировали нас более качественно заниматься и впредь больше не приходило на урок с программой в таком состоянии.

Хотелось бы коснуться вопроса выбора программы. На первых трёх курсах Лев Исаевич придерживался чёткой классической структуры в программе, на четвёртом и пятом курсах в основном играли свободную программу, но обязательным было наличие концерта для фортепиано с оркестром, где партию оркестра исполнял сам Лев Исаевич, за вторым роялем. Программу мы подбирали себе сами, обязательно в трёх вариантах. К примеру: три полифонических цикла; три произведения крупной формы: сонаты, вариации, фантазии или рондо; несколько разнохарактерных пьес и обязательно этюды на разные виды техники. Далее на собрании класса обсуждалась программа каждого студента. Как правило, начинали со старшекурсников. Лев Исаевич не допускал повторений программ в одном учебном году. Если кто-то хотел взять произведение, которое исполнялось в предыдущем семестре другим студентом, рекомендовалось оставить его на следующий год.

Особенным мероприятием, для всех нас, были «классные прослушивания», которые проводились трижды в семестр. Устраивались они с начала ноября, а весной в конце марта – начале апреля, по субботам, в 9 или в 10 утра, и длились в среднем по 4–5 часов. Приоритет в выборе того, кто начнёт первым отдавался старшим курсам. Лев Исаевич слушал за своим столом, мы рассаживались прямо за спиной играющего. Каждый из нас перед своим выступлением подробно озвучивал свою программу. Это было важно – объявить ясно и правильно: не «ХТК», а Хорошо Темперированный Клавир Прелюдия и fuga такая-то, если кто-то забывал назвать опус произведения, к примеру, сонат Бетховена или этюдов-картин Рахманинова, то Лев Исаевич мог задавать вопросы по творчеству этого композитора, уточняя, сколько у всего опусов у композитора и т.д. Поэтому все должны были знать свою программу досконально.

Выступление не прерывалось комментариями. После того, как студент отыграл, Лев Исаевич спрашивал, хочет ли кто-нибудь высказаться, по поводу игры N. Мы делились своими мнениями, пожеланиями и рекомендациями, учитель требовал от нас уметь критически отзываться как о своей игре, так и об игре одноклассников, говорить не общими фразами, боясь испортить отношения, а грамотно, чётко и логично излагать свои замечания. Затем начинал говорить наш учитель. Некоторым студентам, которые позволяли в игре чрезмерно много свободы, он приводил знаменитую цитату Станиславского: «Любите искус-

ство в себе, а не себя в искусстве». Лев Исаевич чувствовал, когда студент играет холодно, не искренне, и снова цитировал Станиславского «Не верю!». Комментарии были разными, Лев Исаевич не был скуп на похвалу, но иной раз замечания были такими хлѣсткими, что действовали отрезвляюще, как холодный душ! Придя домой, каждый из нас понимал, насколько справедливыми были слова нашего учителя, что строгость и серьёзность замечаний даёт нам огромную мотивацию к развитию и самосовершенствованию.

Лев Исаевич давал свои сольные концерты каждое полугодие, и я заметила очень любопытную деталь – в каждую свою программу он включал одно или несколько произведений, которые играл кто-либо из нас. Тем самым, показывая нам классический образец исполнения, давая стимул к творческому развитию, вдохновляя настолько сильно, что после его выступлений хотелось бежать заниматься. Лев Исаевич не допускал нас до эстрадного выступления с «сырой» программой, он говорил: «Чудес не бывает, особенно на сцене. Не надо подставляться». Наш учитель был великим тружеником, работал и самосовершенствовался до последнего, он всегда говорил: «Нельзя научить, можно научиться».

За все годы обучения Лев Исаевич дал мне столько драгоценных знаний и мудрых советов, одарил своим безграничным вниманием и удивительной заботой, за что я бесконечно ему благодарна. Мы все чувствовали его поддержку во время классного концерта в апреле 2017 году, на котором Лев Исаевич, к огромному сожалению, уже не смог быть. Выступая на конкурсе имени Бендицкого в мае 2017 года, я чувствовала незримое присутствие моего учителя, я знаю, что он был рядом и помогал мне. Я играла для него и в честь его светлой памяти. Лев Исаевич навсегда останется в моём сердце светлым, добрым, честным и искренним, любящим и любимым мастером. Для меня это был огромный подарок судьбы – повстречать на своём пути такого Великого человека!

Екатерина Фетисова
доктор математической статистики
методист-статистик, Статистическое Управление Швеции,
г. Стокгольм
выпуск 1998 года

В память о моем учителе, профессоре Льве Исаевиче Шугоме

Сегодня день рождения Льва Исаевича, в который он, к сожалению, уже не с нами. Вспоминая моего дорогого учителя, я вспоминаю его высочайший профессионализм, его глубокие и проникновенные интерпретации музыкальных произведений, его бриллиантовую искромѣтную технику, и его яркий педагогический талант.

Я также вспоминаю его открытое и честное отношение к жизни и людям, не допускающее ни двойственности во взглядах, ни стремления достичь своих целей за счёт других.

Лев Исаевич обладал мощнейшей силой воли и твердостью духа, что всегда меня восхищало и служило примером для подражания. Определённо, воспитывая во мне профессионального пианиста, Лев Исаевич передал мне и часть своего характера. Именно эти качества давали мне силы и энергию для преодоления всевозможных трудностей в новой стране и для достижения новых жизненных вершин.

И конечно, я не могу не вспомнить то потрясающее чувство юмора и талант рассказчика, которым Лев Исаевич обладал в совершенстве.

До сих пор трудно осознать и принять, что Льва Исаевича нет с нами. До сих пор ощущаю его присутствие, как будто и не прошло 20-ти лет со дня моего окончания консерватории. И я уверена, что это чувство останется со мной на всю жизнь, и память о Льве Исаевиче всегда будет светлой.

8 Марта, 2018

Маргарита Налбандьян
*кандидат педагогических наук, доцент, профессор РАЕ,
Заслуженный работник науки и образования РАЕ,
эксперт в области проведения государственной аккредитации
образовательной деятельности при министерстве
образования Ставропольского края,
профессор русско-китайской школы искусств
«Березка» (г. Цзинань, Китай), г. Ставрополь
выпуск 1998 года*

Памяти великого Учителя

Очень трудно подобрать слова, которые могли бы выразить всю горечь и боль утраты в связи с кончиной нашего любимого Льва Исаевича. Осознать и поверить в это невозможно до сих пор, хотя прошло уже более года со дня этой трагической даты. Таковы законы человеческой жизни, но примириться с этим невероятно тяжело. Какие люди уходят, достойнейшие, лучшие, великие; таких как он больше нет.

Да, слово «великий» здесь не преувеличение. Великие люди, как драгоценные алмазы, живут среди нас, но в нашей обыденной суете мы не до конца осознаем это, стесняемся назвать своими именами. Часто только после тяжелой потери такого человека приходит настоящее понимание всего масштаба его личности. Но, по моему мнению, Лев Исаевич, благодаря своей неутомимой энергии, самоотдаче, преданности музыке, высочайшему профессионализму, всегда и при жизни являлся именно таким, безоговорочно великим Учителем. Кажется,

еще совсем недавно Лев Исаевич приезжал с гастролями в Ставрополь, мы обсуждали новости музыкальной жизни Саратова, новые творческие планы, говорили об учениках, бывших выпускниках его класса. Когда мы разговаривали по телефону, он всегда интересовался моими успехами, семьей, здоровьем моих близких. Его советы были неоценимы, казалось, так будет всегда...

Я хорошо помню его пятидесятилетний юбилей, который мы отмечали в Саратовской консерватории еще в годы моей учебы. Это было в 1996 году, я тогда училась на третьем курсе. У меня сохранилась статья из газеты «Земля Саратовская», где опубликована фотография Л.И. Шугома в окружении студентов его класса. Она была сделана после нашего выступления. К юбилею Лев Исаевич тогда подготовил целую серию концертных мероприятий: концерт учащихся и студентов класса, свой сольный концерт со сложнейшей программой, концерт камерной музыки, выступление с симфоническим оркестром.

Он всегда все делал по максимуму, глобально, грандиозно: объемные, насыщенные, разноплановые программы выступлений; огромные масштабы мероприятий. Такие замыслы требовали постоянной работы на износ, на пределе физических возможностей. Но Лев Исаевич себя не берег, он всегда был увлечен новыми музыкальными проектами, был требователен к себе бесконечно, постоянно и неустанно занимался на фортепиано. С семи утра вместе со студентами консерватории он в классе работал над новой программой, все время включая в свой репертуар все новые и новые произведения. Сейчас, когда я слушаю то или иное сочинение, на моих глазах часто наворачиваются слезы, потому что я сразу вспоминаю, как эта музыка звучала в исполнении Льва Исаевича, помню его интерпретаторские решения, его художественный образ. Он играл практически все, все талантливое и значимое, что было создано для фортепиано. Лев Исаевич «держал в руках» сразу несколько концертных программ одновременно, его музыкальная память и исполнительский талант вызывали восхищение. Но за всем этим помимо таланта стоял огромный многолетний труд, упорство, воля.

Необыкновенные профессиональные качества Льва Исаевича сочетались в нем с удивительной душевностью и теплотой. Он всегда по-отечески принимал участие в судьбе своих учеников. Таких примеров очень много. Лев Исаевич поддерживал своих студентов и выпускников, помогая найти достойную работу по специальности, оказывал материальную поддержку в случае необходимости, всегда предлагал свою помощь. И мы, его ученики, были ему за это благодарны. Мы все его любили, гордились им, бесконечно уважали. Лев Исаевич – это эталон блестящего профессионала, преданного музыке, трудолюбивого и мудрого, волевого и целеустремленного, настоящего Учителя с большой буквы. На наших занятиях мы не только знакомились с музыкальным репертуаром, это была настоящая школа становления личности музыканта. Мы обсуждали все – от искусства до политики, в том числе новинки литературы, философские проблемы, научно-педагогические подходы к пониманию различных мировоззренческих позиций и др. Тогда, в годы учебы, я с особой гордостью воспринимала его просьбу переворачивать страницы во время концертов и эк-

заменов, когда Лев Исаевич исполнял за вторым роялем свою партию или играл камерную музыку. Я и сейчас хорошо помню руки мастера, жесты и мимику, его «прочтение» музыки, хотя с тех пор прошло уже ровно 20 лет.

Новость о том, что не стало Льва Исаевича, застала меня в Китае, городе Цзинань провинции Шандунь. В этот день у меня должен был состояться классный концерт в русско-китайской школе искусств «Березка», где я работала. Очень трудно было собраться и играть на концерте, справиться с волнением мне помогли мысли о моем любимом учителе, воспоминания о наших занятиях, концертах, его образ. Этот концерт в Китае я посвятила светлой памяти дорогого Льва Исаевича.

Мы знаем о том, как велика роль личности в истории, но не любой личности, а особенной, способной своим примером и духом изменить других людей и мир вокруг себя, заложить фундамент будущего. Лев Исаевич – именно такая личность, он, несомненно, вошел в историю консерватории, Саратова, России, в наши сердца, сердца его учеников, коллег, слушателей. Это история великого Учителя, Музыканта, Человека, которая останется всегда с нами, в нашей памяти, в продолжении его светлых дел, в новом поколении молодых музыкантов. Простите меня, пожалуйста, ... светлая Вам память...

***Наталья Козлова (Тимошкова)**
преподаватель, концертмейстер,
зав. отделом дополнительных дисциплин
Детской музыкальной школы им. В.Ф. Бобылева, г. Рязань
выпуск 2002 года*

Воспоминания о моём любимом Учителе

В 2017 году перед поездкой в Саратов на Третий всероссийский конкурс пианистов имени С.С. Бендицкого я отправилась с дочкой в Москву на консультацию к М.А. Марченко – заведующей отделением специального фортепиано ЦМШ при МГК имени П.И. Чайковского. Мы разговорились и Мира Алексеевна, узнав, что я училась в Саратовской консерватории, воскликнула: "Шугом!". Я спросила её: "Вы знаете Льва Исаевича?". Она ответила: "Он – мой кумир!" Вот так говорят о Льве Исаевиче в Москве.

У меня в жизни несколько учителей. Но Лев Исаевич – единственный педагог, который в каждой беседе спрашивал: "Чем тебе помочь, Наташа?"

Помню, как переводилась к нему в класс. Когда Лев Исаевич мне сказал, что возьмёт меня учиться к себе, я вышла в коридор и поняла, что если бы была возможность обнять весь Земной шар, то я бы так и сделала. Такое было счастье и радость... слов не подобрать. Так я ему благодарна за это счастье – учиться у него!

Вскоре, увидев, что в списке переведённых меня нет, я поднялась к нему в кабинет (помню он играл гаммы), ворвалась в класс во время его игры и с ужасом спросила: "Вы меня всё-таки не взяли? Меня нет в списках..." А Лев Исаевич спокойно ответил: "Взял. Вы больше верите бумаге или моему слову?" Спасибо, родной Лев Исаевич.

До сих пор помню, как однажды на уроке во время работы над «Вариациями на тему Корелли» С.В. Рахманинова в одной из вариаций Лев Исаевич дал образное сравнение: «Наташа, а здесь дышит земля... Представь это и сыграй." Позже, занимаясь с одной из своих учениц, я применила такое же сравнение, сказав, что это слова моего Учителя.

Все до единого из тех студентов, с которыми я общаюсь, восхищаются его способностью работать со сложной фактурой, с так называемым переключением рук... Если встречался трудный пассаж или технически неудобное место, Лев Исаевич с лёгкостью показывал, как этот эпизод можно распределить между руками, и всё тут же становилось доступным, удобным.

Помню государственный экзамен по специальности. Я стою перед дверью в Большой зал. Он подходит, улыбается, смотрит. Спрашивает: "Какая фамилия у тебя будет по окончании Консерватории, когда ты выйдешь замуж?" Я ему говорю: "Я буду Козлова". Он улыбнулся и говорит: "Про эту фамилию у меня есть анекдот". И рассказал анекдот... Вот так он меня успокоил, видя, что я переживаю перед ответственным выходом на сцену. Спасибо, Лев Исаевич. Для меня Вы – лучший.

И ещё одна ситуация: У меня был в жизни такой момент, когда надо было принять ответственное решение. Я долго мучилась и потом поняла, что только Лев Исаевич может правильно всё расставить, подсказать. После моего звонка он попросил время подумать. А потом через день сам позвонил и чётко и убедительно разложил всё по полочкам, с доводами и аргументами.

Когда уходит человек... удаляешь из телефона его номер... Но телефон Льва Исаевича удалить не могу, рука не поднимается. Осталось его последнее сообщение, которое теперь я воспринимаю с прощальной интонацией. Лев Исаевич прислал его 1 апреля 2017 года (незадолго до ухода в мир иной) в ответ на мою радость, высказанную по поводу нашей предстоящей встречи в Саратове в мае на Конкурсе имени С.С. Бендицкого.

К моему великому сожалению, встреча состоялась немного раньше..., в конце апреля..., на церемонии прощания... Помню когда-то Лев Исаевич сказал: "Вся жизнь моя связана с Консерваторией. И последний путь тоже будет из Консерватории..." Я вспомнила эти слова, когда прощалась с ним в фойе Большого зала...

Очень Вас люблю, Лев Исаевич, пусть у Вас Там всё будет хорошо!

Елена Лигостаева
вокальный концертмейстер
Московского государственного
академического театра оперетты г. Москва
выпуск 2009 года

Очерк о Льве Исаевиче

Первый раз я встретила Льва Исаевича, когда он приехал с сольным концертом в Новороссийское музыкальное училище им. Д.Д. Шостаковича. Я была уже на 4 курсе и всерьез задумывалась о продолжении обучения в высшем учебном заведении. Выбор стоял между Ростовской государственной консерваторией им. С.В. Рахманинова и Краснодарским государственным институтом культуры и искусств. О Саратове на тот момент я не знала ровным счетом ничего, кроме песни "Огней так много золотых..." и строк А.С. Грибоедова: "В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов..."

Саратовский пианист настолько потряс меня своим выступлением, что после концерта я уже знала, у кого буду учиться. Не помню, играла я тогда ему что-то или мы просто пообщались, но Лев Исаевич сказал, чтобы я приезжала, пробовала поступать. Я решила ехать. На тот момент в Саратовской консерватории обучалась бывшая выпускница Новороссийского училища Иванникова Ирина, с которой я связалась, расспросила о деталях поступления и о вузе в целом. Вдобавок она выслала мне письмо с фотографией консерватории (тогда еще не было мобильного интернета, друзья писали друг другу бумажные письма и изучали музыку по пластинкам). Увидев потрясающе красивое здание консерватории, я была настолько поражена его величию, что эта фотография, которая до сих пор отчетливо стоит в моем воспоминании, стала еще одним аргументом, определившим мой выбор в пользу Саратова.

И вот наступило лето 2004-го года, когда я с мамой приехала на вступительные экзамены. Как сейчас помню, стоим в холле, в руках у меня ящик с домашними персиками – подарок Льву Исаевичу из Краснодарского края! А он идет, улыбается: "Нет-нет, мне ничего не надо, сами съедите!" Я, конечно, расстроилась, но ничего не поделаешь. Ведь Лев Исаевич скажет, как отрежет. Поднялись мы в класс. Я ему сыграла сонату a-moll Моцарта. Он спросил: "А почему Вы так сильно закругляете пальцы? Расслабьте руку". На что я ответила, что Моцарта и Баха надо непременно играть "круглыми" пальцами, а Шопена или Листа обязательно "распластанной рукой". Он засмеялся, начал выспрашивать насчет других композиторов, а я, конечно, была очень смущена этими расспросами. По окончании консультации я поблагодарила его и хотела заплатить за урок. Но это так ему не понравилось, он пригрозил мне, чтобы это было в первый и последний раз, и вышел из класса.

Этим поступком многое сказано! В первую очередь, порядочность и уважение к своему делу. Эти и многие другие ценные качества, свойственные его

личности, на протяжении всех лет работы в консерватории Лев Исаевич прививал своим студентам. Он воспитывал не только музыканта, но, прежде всего, человека.

Класс всегда у него был дружным, организованным. Это, несомненно, было связано с его насыщенным творческим графиком, гастрольными поездками, участием в жюри разных конкурсов. Лев Исаевич всегда собирал класс в начале семестра, говорил о предстоящих планах, о сроках сдачи программы, о датах классных прослушиваний (это особый образовательный процесс, который был, по-моему, только в классе профессора Л.И. Шугома). Одним словом, он держал всех в тонусе. А мы, глядя на любимого педагога, учились планировать свое время, работали над самодисциплиной, внутренней самоорганизацией, развивали в себе ответственность, пунктуальность. О последнем качестве расскажу более подробно, так как вспоминается весьма курьезный случай.

Наверное, многие из учеников класса помнят черные наручные электронные часы с говорящим механизмом, которые сам Лев Исаевич почему-то называл по имени – «Аленка». Чтобы узнать время, он нажимал кнопку, произносил волшебные слова: «Аленка, который час?» и «Аленка» звонко ему отвечала. Часы всегда были при нем. Если ты опаздывал хоть на минуту, то зайдя в класс, картина была всегда одинаковая: Лев Исаевич молча смотрел на тебя, потом – на часы, затем снова на тебя, чтобы в ответ услышать оправдание. Когда я поступила к нему в класс, то уже знала, что на урок лучше не опаздывать. Но так случилось, что на один из первых уроков я опоздала на целых 5 минут! У меня не сработал будильник, и я проспала. Проснувшись за пять минут до начала занятия. (Хорошо, что жила в ближнем общежитии, которое находится прямо во дворе консерватории). Я вскочила, не помня себя, одела первое, что попало под руку, волосы взъерошены, лицо помятое, в глазах застыл ужас. (Да-да, это сейчас, студенты могут не прийти на урок или не предупредить учителя об отсутствии). В классе Льва Исаевича дисциплина всегда была армейская. И вот я, с "акульей грацией" подбегаю к классу, со страхом открываю дверь, ожидая в ответ увидеть ярость в глазах профессора, но посмотрев на меня в комплексе всего моего «утреннего туалета», Лев Исаевич сразу все понял, смягчился в лице, улыбнулся, и поинтересовался, успела ли я позавтракать. На что я ответила, что мне было совсем не до завтрака. Села за рояль, приготовилась играть, а он так заботливо, по-отечески положил мне на край клавиатуры две конфетки.

Конечно, за пять лет обучения можно вспомнить много интересных случаев, совместные поездки на классные концерты и исполнительские конкурсы, где Лев Исаевич открывался нам с совершенно другой стороны, как внимательный, чуткий, заботливый человек. И мы всегда чувствовали его защиту и поддержку, а это особенно важно и ценно на этапе становления личности молодого музыканта.

Мне всегда нравилось, когда Лев Исаевич рассказывал курьезные эпизоды из своей жизни. Это было всегда очень смешно и актерски живо – ведь важно еще правильно «преподнести» историю, а этим даром – театральным – наш Профессор обладал в полной мере! Мы слышаны о том, как в молодые годы

Лев Исаевич был бессменным участником знаменитых театральных капустников, которые проводились в стенах Саратовской консерватории и имели оглушительный успех у публики. Он нам «в лицах» рассказывал, как профессор С.С. Бендицкий неоднократно грозил своим ученикам: «Вы закончите консерваторию по классу КАПУСТНИКА!»

Прошло уже 9 лет, как я окончила Саратовскую консерваторию (правда, по классу специального фортепиано(!) профессора Л.И. Шугома). Но до сих пор отдельные фрагменты нашего творческого и человеческого общения воскресают в памяти настолько четко, что кажется, это было совсем недавно. Наверное, такие воспоминания есть у каждого из нас. Самые теплые и сокровенные. И, пока мы будем помнить о них – дело нашего Учителя будет жить, а в сердце всегда будет пробуждаться трепетное волнение, связанное с чувством искреннего Уважения и большой Любви к нашему дорогому Льву Исаевичу.

Ольга Шкрыгунова
солистка квартета "Salut Salon",
концертмейстер Высшей школы музыки г. Росток
г. Берлин (Германия)
выпуск 2008 года

Три слова об Учителе

То, чему нас учил Лев Исаевич, мне очень помогает. Выдержка и дисциплина имеют в нашей профессии большое значение. Переехав в Германию, и попав в востребованный концертирующий коллектив «Salut Salon» (инструментальный квартет в составе – фортепиано, двух скрипок и виолончели), я по достоинству оценила «школу жизни», которую прошла в классе Льва Исаевича. На первых же гастролях с квартетом мне пришлось столкнуться с жесткой немецкой дисциплиной. Репетиция на сцене через 9 минут, опаздывать нельзя, обед для артистов накрыт в 15 часов, сначала суп и салат, потом горячее за час до концерта, время для разыгрывания ограничено, огромный зал, новый рояль, все рассчитано по минутам. И вот после первого «боевого крещения» и удачного концерта, мои коллеги – немки, поздравляя меня сказали, что они не ожидали, что музыкант из России будет таким дисциплинированным и выдержанным в столь сложных «полевых» условиях. Конечно, стереотипы, сложившихся в представлении многих иностранцев о русских людях, везде одинаковы. И мне было очень приятно один из существующих штампов развеять.

В тот вечер я долго рассказывала моим коллегам о Льве Исаевиче. О том, как он готовил нас к жизни, к тому, чтобы мы могли выучивать программы в короткие сроки, набирать репертуар, быть пунктуальными, сдержанными, ответственными, как воспитывал в нас умение собираться в нужный момент, даже если устал, голоден или болен, то есть оставаться профессионалом всегда, в

любых условиях. Эти качества, которые мне удалось приобрести в классе у Льва Исаевича, как нельзя лучше подошли к той стране, где я сейчас живу, и к той рабочей обстановке, с которой приходится постоянно сталкиваться на гастролях, выступая с известным коллективом в больших концертных залах множества городов и стран.

Вспоминаются установки Льва Исаевича о том, что ты всегда должен быть готов, у тебя всегда должен быть репертуар в руках, потому что, если фортуна постучится в дверь, а тебе нечего сыграть, то она пойдет к другому исполнителю. Все, что мной было выучено за годы обучения в консерватории, составляет мой основной сольный и камерный репертуар. За последние годы, во многих сложных ситуациях, когда опаздывали самолеты, ломались машины, терялись чемоданы с концертным платьем и туфлями, была пропущена пересадка на самолет, не было возможности разыграться, рояль был не настроен, я всегда вспоминала Льва Исаевича, и наконец по достоинству смогла оценить то, что он в нас вкладывал. Поверьте, те, кому не доводилось играть каждый вечер двухчасовую программу в течении двух недель, никогда и не поверят, что методы Льва Исаевича были направлены именно на это. Он хотел, чтобы мы были востребованными музыкантами, концертирующими пианистами! Чтобы мы смогли зарабатывать деньги своим собственным «умом», так сказать, и относиться к выступлению на сцене, как к настоящей работе, которая ничем не хуже, чем профессия адвоката или инженера. Я горжусь, что я эти «заветы» могу претворить в жизнь. А тем, кто осмелится сказать, что это «муштра», я советую попробовать поехать в тур с концертами, переезжая каждый день в новый город и даже в другую страну, и при этом каждый вечер выходить на большую сцену, максимально собираться и дарить музыку публике, забывая о себе и обо всем другом. Как и поступал сам Лев Исаевич, всегда проявляя волю, характер и настоящие бойцовские качества, в особенности, на своем последнем концерте...

Моя любимая бабушка была филологом и ей всегда было важно найти подходящее прилагательное или существительное, которые точно отражали бы явление или действие, давали бы более полную характеристику определенному событию или человеку. Однажды мы шли с ней на дачу по длинной дороге, засаженной различными деревьями, она попросила меня назвать три прилагательных для описания этой живописной аллеи. И я, как и сейчас помню (хотя мне было всего около пяти лет), подобрала и назвала: «изумрудная», «шелестящая», «воздушная». И тот день остался в моей памяти навсегда, только лишь благодаря трем словам-ассоциациям. И то солнце, и свет в отражении листвы, и бабушка, идущая рядом, ее теплая рука, и шум деревьев, и свежий воздух, и радость от того, что скоро придем на дачу. Намного позже, когда я выросла и уехала учиться в Саратов, бабушка попросила меня описать профессора, у которого я занимаюсь, назвать те самые три слова. «Воля», «Принцип», «Юмор» – вот слова, которые помогут сохранить в моем сердце образ Льва Исаевича на долгие годы.

Татьяна Чубарова (Пузанкова)
преподаватель Детской школы
искусств №23 им. В.В. Ковалёва, г. Саратов
выпуск 1993 года

Воспоминания о Л.И. Шугоме

Я не была студенткой Льва Исаевича Шугома, но ощущаю его своим Учителем и Наставником. Очень много светлых юношеских воспоминаний связано с ним.

В то время Саратовская консерватория курировала Тамбовское музыкальное училище. Лев Исаевич часто играл в нашем историческом зале с прекрасной акустикой. Именно тогда началось мое знакомство с этим замечательным Музыкантом. Мы всегда ждали и бежали на его концерты. Его игра артистичная, виртуозная, блестящая, темпераментная, стихийная и поэтичная увлекала, захватывала, вдохновляла. На мастер-классах Лев Исаевич поражал необыкновенной эрудицией, владением обширным репертуаром, огромным количеством параллелей из фортепианного и симфонического наследия. Концертирующий исполнитель и педагог владел целым спектром музыкальных примеров, щедро делился фортепианными приёмами. Всегда энергичный, оптимистично настроенный, замечательный рассказчик с прекрасным чувством юмора.

Часто мне выпадала честь переворачивать ему ноты во время выступлений в составе фортепианного дуэта. Постоянным партнёром был мой будущий Учитель – А.Е. Рыкель – еще один прекрасный саратовский музыкант, профессионал, к которому Лев Исаевич привёл меня в свое время и передал в добрые руки. В те моменты я очень сожалела, что не могу наслаждаться из зала их великолепной слаженной игрой.

Позже, разумеется, я поняла, какое счастье было находиться рядом, сначала за сценой, наблюдая процесс эмоциональной подготовки к выступлению, ловя искромётный закулисный юмор и моменты сосредоточения, и присутствовать на сцене, в процессе творения музыки, буквально ощущать бешеную энергетику. Нотные страницы летали, сердце билось в стремительном темпе музыки... Это был Рахманинов! Сюиты, Симфонические танцы, Русская рапсодия.

В Консерватории Лев Исаевич всегда проявлял внимание и участие, тёплое, отеческое отношение, поддерживая нас добрым словом, улыбкой и напутствием. Он всегда нас учил и воспитывал. Учил отношению к профессии, к себе в ней. Давал точные и меткие комментарии с юмором. Мудро, деликатно, уверенно и сильно. Будучи всегда подвижным, активным и бодрым, он заряжал и заражал своей жаждой жизни и музыки. На 3 курсе пригласил поехать в Москву на концерт педагогов кафедры специального фортепиано, в котором играли Л. Шугом, А. Скрипай, Н. Бендицкий, А. Катц... Мы, студентки, были счастливы! Шеф пригласил!!! Сорвались, поехали, были группой поддержки, помню Рахманиновский зал, цветы и их светлые лица...

Часто приглашал на классные прослушивания, настаивал на участии в "разборах полётов". Тогда я очень гордилась этим фактом и немного удивлялась. Опять же позже поняла, что это было. А он учил. Учил слышать, учил говорить. Не объясняя и не навязывая, а показывая главное. А понимание главного пришло позже, уже в процессе моего преподавания. Главное – это иметь своё мнение, и самое главное – это корректное и уважительное восприятие творчества коллег. Вне зависимости – ученик это или преподаватель. Студент, ученик – это тоже коллега-музыкант. В этом плане мне очень повезло с Учителями.

Заповедь Льва Исаевича – "Верьте только себе!" – всегда со мной. Лев Исаевич всегда держал себя в прекрасной исполнительской форме. Вне зависимости от погоды, времени года, самочувствия. Всегда шёл утром заниматься в консерваторию. Этим системным отношением к профессии и к себе просто восхищал. Потрясала сила и воля характера настоящего Музыканта. Титан. Гигант. Постоянные концерты. Огромные богатырские программы. Богатейший репертуар. Всегда блестяще, ярко, мощно, темпераментно, виртуозно.

Свежи воспоминания: Соната №7 и "Наваждение" Прокофьева, Большая соната Чайковского, Соната си минор Листа, его же "Испанская рапсодия", "Мефисто-вальс", "Исламей" Балакирева, много сочинений Шопена, Бетховена. Много выступал с оркестром, играл все Концерты Рахманинова, Листа. И ещё много-много прекрасной музыки. Всегда ждала блестящий бис – Марш из оперы «Любовь к трём апельсинам» Прокофьева. И на юбилейном концерте, на бис... на пианиссимо, проникновенно, тонко и печально... Мендельсон «Песня без слов» и Рахманинов Этюд-картина соль минор... до сердца, до слез...

Его душа навсегда поселилась в Саратовской консерватории. Ощущалось его присутствие на Третьем конкурсе имени С.С. Бендицкого. Дети молча посвящали ему свои выступления. Он был с ними, поддерживал...

С любовью, уважением, огромной благодарностью и низким поклоном большому Музыканту и Учителю.

Лариса Русина (Брацило)
преподаватель, концертмейстер
Колледжа музыкально-театрального
искусства имени Г.П. Вишневской, г. Москва
выпуск 1997 года

Уроки мудрости и профессионализма

Попасть в класс профессора Льва Исаевича Шугома стало для меня настоящим везением! Еще бы! Много и успешно концертирующий пианист, профессор, Заслуженный артист России!!! Кто как не он мог помочь мне справиться с ужасным волнением, которое накрывало меня во время выступления, сводя на нет все усилия предконцертной подготовки! И он помог! В классе

Льва Исаевича существовала традиция: все студенты за месяц до экзамена по специальности три раза должны "обкатать" программу на публике – перед профессором и друг другом с последующим "разбором полетов". Именно эти волшебные три раза стали для меня настоящим спасением. К экзамену я подходила вполне "вменяемая" и способная контролировать свое волнение, которое, конечно, присутствовало, но не мешало. Однако сыграть программу перед студентами класса – это еще не все. Лев Исаевич настаивал, чтобы мы внимательно слушали своих коллег и потом могли высказаться по поводу их исполнений. Но просто сказать, что студент сыграл хорошо – этого было недостаточно. Шеф (так мы между собой называли нашего любимого педагога) требовал конкретики: за что похвалить, а где и покритиковать. "О, где найти слова, чтобы не обидеть нежно ранимую душу музыканта?! Какая критика?! Сыграл наизусть, нигде не ошибся! Молодец!", – так думала я поначалу. А Лев Исаевич говорил: "Многие из вас возможно станут педагогами и вы должны уметь не только научить ученика играть на фортепиано, но и грамотно обсуждать исполнение, так как вам придется присутствовать на экзаменах и высказывать свое мнение профессиональным языком. Так что учитесь этому сейчас, на классных прослушиваниях!"

Мудрый наш учитель знал, о чем говорил! Я до сих пор мысленно благодарю его за этот опыт, который позволил мне не выглядеть "бледно" на неизбежных в педагогической деятельности обсуждениях. А "правило трех проигрываний" помогает теперь и моим ученикам в подготовке к ответственным выступлениям.

В классе было негласное правило: старшекурсники имели право выбрать время своего урока первыми, и выбирали всегда попозже, ближе к 12–13 часам, а первокурсникам приходилось довольствоваться "остатками" – в 9 утра. Шеф никогда не опаздывал, ровно в 9 приходил на занятия, и требовал пунктуальности и от нас. А мы? Конечно, старались! Но, что греха таить, бывало заходим в класс в 9.05 с виноватым видом, а Лев Исаевич сурово смотрит на свои часы и качает головой. Он никогда не читал морали, но взгляд его говорил много! Мы шутили, что подарим Льву Исаевичу наручные часы, на которых на циферблате вместо стрелок будет написано "ВОВРЕМЯ". Зашел студент в класс, а педагог посмотрел на часы – ВОВРЕМЯ! И у всех хорошее настроение!

Вспоминаю свои государственные экзамены на пятом курсе. Наташа Дубровская заканчивает Концерт Шостаковича, следующая по списку я. Готовлюсь морально, вдох-выдох и в бой! Но тут неожиданно объявляют перерыв, комиссия выходит на пятнадцать минут. И как же я была благодарна своему педагогу в тот момент! Лев Исаевич взял меня за руку и отвел на черную лестницу старого здания, подальше от посторонних глаз. Мое нервное напряжение вылилось в поток слез. Вот как теперь собраться?! Но мудрое и доброе сердце Наставника подсказало нужные слова! Не помню в точности, что говорил Лев Исаевич, но я успокоилась и сумела собраться еще раз, и даже стало как-то легко! Специальность я сдала на 5 и была просто счастлива! Спасибо, Учитель, Вы не дали мне расклеиться!

А в 2014 году я привезла уже своих учеников, фортепианный ансамбль, на конкурс в Саратов. Мне очень хотелось показать им свою родную красавицу – Консерваторию. Позвонила Льву Исаевичу (он тогда уже был ректором), и на мое счастье, он оказался в Саратове! Мы приехали в консерваторию, Лев Исаевич лично пригласил нас в свой кабинет, познакомился, потом провел небольшую экскурсию, все показал, рассказал, сфотографировался с нами на память. Он просто покориł моих учеников и родителей своей простотой и доброжелательностью. Ни тени пафоса! А ведь Ректор! Когда его не стало, они эту трагедию приняли как свою, потому что за короткое время были покорены его человеческим обаянием и душой.

Алла Долженко
г. Кёльн (Германия)
выпуск 2003 года

Мой учитель

Прошёл год, как с нами нет моего любимого учителя, Льва Исаевича Шугома... В моей жизни за этот год многое изменилось, но я по-прежнему думаю о Льве Исаевиче, вижу его во сне, советуюсь с ним, когда думаю о чём-то важном. Впервые я увидела Льва Исаевича, когда мне было 12 лет, на Всероссийском конкурсе в Волгограде. Он просто шёл по коридору и приветливо поздоровался с нами. Мне запомнился его тёплый взгляд, приветливая улыбка. Было удивительно узнать, что он и есть тот самый Лев Шугом. Через несколько лет я поступила учиться в его класс, тогда ещё в «Музыкальную академию для одарённых детей и юношества». Помню, на первом уроке Лев Исаевич, рассказывая о том, как он обычно разыгрывается, блестяще сыграл гамму двойными терциями. Как легко и красиво она у него прозвучала!

Лев Исаевич прививал нам, его ученикам, те качества, которые были для него главными критериями личности и музыканта. Его личность была многогранной, он любил и хорошо знал литературу, на уроках мог наизусть процитировать М.Ю. Лермонтова, всегда поражался, как совсем юный поэт, «мальчишка», мог так глубоко чувствовать. Лев Исаевич хорошо водил машину, был азартным автомобилистом, занимался опасным для пианиста каратэ, любил своего верного друга ротвейлера. В его характере уживались железная воля, выдержка и отзывчивость, умение сопереживать и помогать.

Лев Исаевич всегда спрашивал у нас: «Как дела, как дома?» Если случались какие-то трудности или переживания, Лев Исаевич всегда помогал, и словом, и делом. Помню, у меня не хотели принимать документы на поступление в консерваторию, так как я не окончила музыкального училища, а поступала после 11-ти классов общеобразовательной школы (к сожалению, на

тот момент «Музыкальная Академия» прекратила своё существование). Узнав об этом, Лев Исаевич специально поехал в Москву, обратился в высшие инстанции, вопрос был решён, я смогла подавать документы и поступила в консерваторию – так сбылась моя мечта учиться в классе Льва Исаевича.

Так сложилась жизнь, у меня рано не стало отца, и Лев Исаевич опекал меня и поддерживал, как если бы он был мне отцом... Благодаря Льву Исаевичу я стала преподавать в Саратовской консерватории, для меня было огромным счастьем работать рядом с такими прекрасными музыкантами и, конечно же, рядом с Учителем. Я не знаю более дисциплинированного человека, чем наш Учитель. И в своих учениках он старался воспитать высокую самодисциплину и организованность. Однажды Лев Исаевич подарил мне часы, потому что из-за проблем с транспортом я иногда опаздывала на уроки по специальности. После этого мои опоздания волшебным образом прекратились. В одном человеке редко соединяются те качества, которые включала в себя личность этого удивительного человека. Его организованность сочеталась с его романтичностью. Его пронизательность и мудрость, которые меня всегда поражали, позволяли ему всегда хорошо чувствовать ситуацию и оппонента.

Лев Исаевич был блестящим пианистом и очень ярким музыкантом. В его игре было одно свойство, которое я до сих пор не могу полностью постичь – естественность, которая очень сильно воздействовала на слушателя. Его исполнение не нуждалось ни во внешних эффектах, ни в темповой пестроте, ни в динамических нагромождениях. Помню он говорил: «Выразительность в звуке, а не в темповых колебаниях». Если можно выразить в одном слове личность Льва Исаевича как музыканта и как человека, то наверное это слово – благородство. Лев Исаевич сам был бесконечно предан сцене, любил эстраду, публику, и эта любовь была взаимной, на его концертах всегда были переполненные залы, море цветов и очередь преданных поклонников и коллег в артистической после концерта. В 2017 году, Лев Исаевич задумал грандиозный проект, чтобы силами его студентов были исполнены все концерты Сергея Рахманинова, и мне посчастливилось принимать участие в этой программе, в последнем концерте класса...

Несмотря на тяжёлую болезнь, Лев Исаевич сам занимался подготовкой этой программы. В период подготовки он делал классные прослушивания, «прогоны» всех концертов. При этом он готовился к своему сольному концерту в консерватории. Программа была сложнейшая: Моцарт, Лист, Гранадос. До сих пор помню его взгляд на публику, на последние овации... словно прощаясь... После сольного концерта, Лев Исаевич уже не мог присутствовать на репетициях Рахманиновской программы, но мы постоянно были на связи, советовались с ним. Все очень волновались, очень хотели порадовать нашего Учителя, старались, как могли. После концертов мы звонили Льву Исаевичу, даже собирались встретиться и отмечать вместе с Учителем...

Прошло немногим больше года с того события, которое разделило жизнь многих людей на жизнь со Львом Исаевичем Шугомом и жизнь без него...

Дорогой Лев Исаевич, мне Вас очень не хватает. Я по-прежнему, пусть

мысленно, спрашиваю Вашего совета, жду Вашей поддержки... Вы были и являетесь моим ориентиром, моим дорогим, любимым Учителем, Наставником, Другом. Благодарю Вас и люблю...

Надежда Тормозова
директор Детской музыкальной школы
для одаренных детей имени Л.И. Шугома

Воспоминание-обращение

Дорогой Лев Исаевич!

Оказалось, что написать воспоминание о Вас непросто. И не потому, что нечего вспомнить, как раз наоборот – воспоминаний великое множество. Просто, до сих пор не верится, что Вы ушли от нас. Лично для меня, как и для Вашего замечательного внука Михаила, Вы просто уехали на гастроли, а мы все ждем, когда Вы, наконец, вернетесь. Проходя по коридорам консерватории, часто ловлю себя на мысли, что оглядываюсь по сторонам в надежде увидеть Вас. Поэтому решила написать не просто воспоминание, а воспоминание-обращение.

Для меня, Лев Исаевич, Вы сделали очень многое, да что там говорить – Вы просто кардинально изменили мою жизнь. По Вашей милости я работаю в консерватории, которую люблю всем сердцем. Вы иногда спрашивали меня, не жалею ли я о том, что приняла Ваше приглашение перейти на работу в консерваторию. И когда я отвечала, что просто счастлива здесь работать, Вы были чрезвычайно довольны: «Ну я же говорил! Нужно слушать старших!»

Я безмерно благодарна Вам за то, что в очень непростое время Вы решились открыть школу при консерватории; за то, что пригласили именно меня возглавить эту школу; за то, что делали все возможное и невозможное, чтобы школа начала свою деятельность; за то, что были внимательны и очень добры к нашим детям. Вообще, мы с Вами очень много говорили о детях, и иногда с легким сарказмом Вы называли меня «многодетной школьной мамой», на что я отвечала шуткой: «А Вы – наш отец родной». Когда я говорила, что невозможно в такие короткие сроки из помещения, в котором находился банк, сделать музыкальную школу, Вы смеялись и отвечали: «Школа будет построена, и в ней будет все необходимое, а Ваша задача – заниматься созданием коллектива и документов. Будем работать параллельно. Я – на передовой, а Вы – в тылу».

Когда я рассказывала Вам, что несколько раз видела во сне маленькую девочку с красивым бантом, которая поднимается по ступенькам на маленькую сцену, подходит к роялю, кланяется и играет «Осеннюю песнь» П.И. Чайковского, Вы говорили: «Будет зал и будет маленькая сцена. И обязательно будет звучать музыка Чайковского. Пусть детишки уже с первого класса привыкают выступать на сцене и чувствуют себя настоящими артистами». Вы, как всегда

были правы – есть зал, есть сцена, и в исполнении детей звучит музыка Чайковского. Иногда я спорила с Вами, пыталась отстаивать свою точку зрения. Вы были терпеливы, но, как правило, непреклонны. Смотрели на меня с иронией и звонко барабанили пальцами по столу (со временем я поняла, что это первый признак Вашего недовольства чем-либо). Такие споры могли закончиться для меня полным фиаско, но Вы были благородным человеком, и случалось, что «поддавались». Я ликовала! Добилась все-таки своего! Но, увы, со временем понимала, что Вы были правы, и нужно было поступить так, как говорили Вы. Справедливости ради, можно сказать, что бывало и наоборот, но очень редко.

Однажды вы пришли к нам праздновать Новый год. Мы с большим трудом уговорили Вас немного посидеть с коллективом школы. Собрались все наши преподаватели, накрыли праздничный стол, но самым большим праздником для нас было Ваше присутствие. Конечно, весь вечер в центре внимания были только Вы! Потрясающее чувство юмора, обаяние, искрящиеся глаза, интересные истории! Вы шутили и так образно рассказывали эпизоды из своей жизни, что мы хохотали до слез, и потом еще очень долго вспоминали и обсуждали это вечер. Жаль, что такая встреча была только один раз!

Лев Исаевич, дорогой наш человек! Вы были любимы и успешны в жизни, и у меня нет сомнений, что и там, в другом мире, Вы также любимы и успешны. И когда-нибудь мы с Вами обязательно встретимся, и Вы скажете: «Ну, здравствуйте, многодетная школьная мама!», а я отвечу: «Здравствуйте, отец родной!».

Светлая Вам память, дорогой Лев Исаевич!

*С уважением и огромной благодарностью
Надежда Тормозова*

*Алина Большеданова
учащаяся Детской музыкальной школы
для одаренных детей имени Л.И. Шугома*

Образ Учителя

Я была еще маленькой. Мы с семьей посещали концерты в консерватории, и там на одном из концертов выступал Лев Исаевич Шугом. Мне очень понравилась его игра, и я спросила маму: «Кто это?». Мама ответила: «Это замечательный музыкант, ректор консерватории Лев Исаевич Шугом!». Я даже представить себе не могла, что через несколько лет буду играть на большой сцене со Львом Исаевичем! Этот день запомнится мне на всю жизнь! Я горжусь совместным выступлением с таким известным музыкантом и очень хорошим человеком. Для меня Образ Льва Исаевича связан с добротой и искренним отношением к нам, детям.

Спасибо Вам, дорогой Лев Исаевич!

Егор Лузик
учащийся Детской музыкальной школы
для одаренных детей имени Л.И. Шугома

Встречи с Мастером

Я не совсем помню тот день, когда впервые увидел Льва Исаевича, но очень хорошо помню, когда впервые попал на его концерт. Этот концерт произвел на меня огромное впечатление! Полный зал зрителей, мы с родителями сидели где-то на галерке в Большом зале консерватории. И тут вышел Лев Исаевич, такой бодрой, легкой походкой, и сел за рояль. Играл очень проникновенно, мне казалось, что зал замер и не дышал. Я тогда решил для себя, что буду стараться, работать так, чтобы тоже играть на сцене Большого зала и также впечатлять и радовать слушателей.

Лев Исаевич был очень умным, добрым, справедливым человеком. И к тому же, очень весёлым, любил пошутить. Я помню, на репетиции перед концертом «Играем с мастерами», мы со Львом Исаевичем пытались играть за одним роялем, но ничего не получалось – постоянно мешали друг другу. И тогда Лев Исаевич сказал: «Да, Егор, два великана за одним роялем точно не поместятся. Выкатываем второй!». На следующей репетиции перед тем же концертом мой педагог Елена Петровна Корастилёва спросила Льва Исаевича, в каком темпе будет удобно играть? А он ответил: «Как коллега скажет, так и будем играть». Мне было очень приятно, и я старался вовсю! Рядом с этим человеком всегда было весело и спокойно.

Я также хорошо запомнил последний концерт Льва Исаевича. Он играл сонаты Л. Бетховена. Как всегда, полный зал, музыка лилась так, что дух захватывало. После концерта мы с мамой и педагогом пошли поздравить и поблагодарить Льва Исаевича за доставленное удовольствие. Мама сказала, что находится под большим впечатлением, и что особенно ей нравится Лунная соната. А Лев Исаевич, глядя на меня, ответил: «Я уверен, что Егор тоже очень скоро сможет исполнять эти произведения».

Я часто вспоминаю Льва Исаевича и стараюсь воплощать его уверенность в жизнь.

*Ильдар Самирханов
учащийся Детской музыкальной школы
для одаренных детей имени Л.И. Шугома*

Воспоминания о Л.И. Шугоме

Мне очень повезло, что в моей жизни встретился такой замечательный человек – Лев Исаевич Шугом. Он был искренним и внимательным к детям. Лев Исаевич относился к нам по-доброму, и в то же время, чувствовалось его серьезное и уважительное отношение к каждому из нас. Несмотря на свою занятость, он всегда при встрече находил минутку, чтобы поинтересоваться, как дела, пожелать успеха. Даже играл с нами на концерте в Большом зале консерватории. Мне посчастливилось сыграть с ним в ансамбле «Prayer Litany», что означает «Молитва». Теперь, когда я слышу эту музыку, то всегда вспоминаю Льва Исаевича.

Я бы хотел стать таким же выдающимся музыкантом и достойным человеком, как Лев Исаевич Шугом!

*Алла Фёдорова-Елисеева
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры музыки
Московского государственного
университета культуры и искусств,
профессор Школы искусств им. Д.Д. Шостаковича
в Соединённых Штатах Америки, г. Нью Йорк
выпуск 1982 года*

Слово благодарности!

Уход художника открывает нашему чувству таинственный путь к его сердцу...

В этих строках я хочу поделиться тем, что в просторах Времени не стало прошлым, поделиться некоторыми своими воспоминаниями о Льве Исаевиче Шугоме – замечательном музыканте и человеке.

Перебирая сейчас памятные чувства, связывающие меня со Львом Исаевичем, хочу сказать, что вся его личность источала такое понимание музыки и жизни, что хотелось послушать его снова и снова. Общение со Львом Исаевичем было как будто чудом, в любой обстановке – в классе, в концертном зале, дома. Оно рождало уверенность в себе, веру в правильность избранного пути. Он обладал удивительной способностью заражать студентов своим вдохновением, он открывал перед нами двери на бесконечные просторы музыки!

Вспоминается одна из наших поездок в город Волгоград. Я играла «Карнавал» Шумана. Зал Волгоградского музыкального училища был заполнен до отказа студентами, педагогами, гостями. Наш приезд стал большим событием для музыкального мира города. Я очень волновалась, но Лев Исаевич подбадривал меня. Это было мое первое публичное выступление, первые аплодисменты... А вечером в честь нашего приезда был организован большой ужин.

Эти концерты с разными интересными программами и эти тёплые встречи повторялись каждый год вновь и вновь.

Но только теперь, спустя десятилетия, я понимаю, что и тёплые приемы, и аплодисменты, которых мы, студенты, были удостоены, предназначались ему – нашему Учителю. Именно он имел право на сердечное внимание к себе, на любовь и уважение благодарных слушателей.

Я стараюсь продолжать традиции нашего класса, каждый год проводя концерты своих студентов в залах Нью Йорка. И не без гордости скажу: девяти моим студентам, кто удостоился звания Лауреата Международного конкурса, посчастливилось играть на сцене Карнеги Холл.

На уроках Лев Исаевич был большой мастер выдумки, оригинального образа. Иногда между нами было противостояние, возникали споры, которые в конечном счете приводили к “золотой середине”, к правильному решению творческих задач.

Каждые полгода (перед экзаменом) Лев Исаевич устраивал классные вечера, которые проходили в знаменитом 44 классе, что чрезвычайно помогало затем выйти на сцену Большого зала. А потом было обсуждение исполняемых произведений. Он никогда не критиковал, но находил нужные слова по исполняемой пьесе. У Льва Исаевича не было жестких схем определяющих, как должно звучать то или иное музыкальное произведение. Он охотно принимал новую интерпретацию, если, конечно, она отвечала авторскому замыслу. Любой ученик был для него индивидуальностью, обладающей собственными способностями, и он всячески старался содействовать их развитию, деликатно устраняя сдерживающие ограничения.

Игра Льва Шугома покоряла нас, студентов. Ярko запомнились следующие произведения в его исполнении: 7-я соната Сергея Прокофьева, Восточная фантазия «Исламей» Балакирева, Сонаты № 8,14,18,23 Бетховена. А как он играл «Петрушку» Стравинского! Без преувеличения скажу, что такого исполнения этого произведения я ни у кого другого не слышала! Оно было настолько совершенным в смысле пианизма (ни одной фальшивой ноты!). Грандиозное пианистическое мастерство, предельная мощь!

Пианистическое искусство Льва Шугома с годами обновлялось. Источником обновления, я думаю, было его душевное постоянство. Но мои строки и моя мысль сейчас не об особенностях его исполнительства, но о голосе души, об искренности его личности. Как педагог и пианист, как человек, Лев Исаевич нёс нам ощущение свободы и демократии!

Это был человек большого мужества, деликатности и обаяния. Его любили все, а мы, студенты его класса, гордились тем, что учимся у него, что Лев Исаевич – НАШ Учитель!

Арина Лобанова (Огнещикова)
преподаватель, концертмейстер
Детской школы искусств, г. Новоаганск
Ханты-Мансийский автономный округ
выпуск 1993 года

Памяти Льва Исаевича

Со Львом Исаевичем я познакомилась, когда приезжала на прослушивание в консерваторию перед поступлением. Обаятельнейший, красивый, молодой, блестяще показывающий мой репертуар так, что заниматься мне захотелось долго и много. Он сразу поразил меня легкостью, с которой исполнял объемные отрывки из концертов Рахманинова, сонат Бетховена, произведений Листа. Это позже, уже поступив в консерваторию, я узнала и послушала значительную часть исполняемого им репертуара. Концерты Льва Исаевича всегда были событием и для консерватории, и для всего культурного Саратова. А особым праздником они были для нас, его учеников. Слушая его тонкую, проникновенную игру, я испытывала невероятную гордость и волнение за своего любимого Учителя. Обязательным ритуалом было поздравление Льва Исаевича после концерта в артистической. Как сейчас вижу его уставшего, опустошенного и часто не совсем довольного собой после выступления.

Исполнял Лев Исаевич свой обширный репертуар не только в Саратове. Он часто ездил с гастрольями по всей стране. Мне повезло, и я стала участницей его творческого проекта, когда с классом мы ездили в Балашов, Кузнецк, и Майкоп. Концерты давали два вечера подряд. В первый играли студенты класса, во второй Лев Исаевич играл сольную программу. Это было удивительное время, когда мы на практике занимались исполнительским мастерством. Помню, как Лев Исаевич учил, что с одинаковой отдачей и отношением к делу надо играть и в сельском клубе, и в Большом зале консерватории. Там же в поездках я видела, насколько строг и требователен к себе Лев Исаевич. Обязательно на следующий день после концерта проходил всю программу в средних темпах, прорабатывая детали. И никакие погодные условия или усталость не могли ему помешать.

Так же строг он был к нам, своим ученикам. Он воспитывал нас не только профессиональными музыкантами, но и культурными, порядочными людьми. Воспитывал своим примером, работой, отношением к нам на равных, как к коллегам. Никогда не опаздывал сам и не позволял нам, ни на минуту. Это ведь тоже часть воспитания!

Необыкновенно великодушный, бескорыстный, щедрый, мудрый и строгий, прекрасный музыкант. Благодаря его школе, общению с ним, я в своей профессиональной жизни чувствую себя защищенно и уверенно.

Юлия Кохова

*преподаватель отделения специального фортепиано
Карачаево-Черкесского государственного колледжа
культуры и искусств имени А.А. Даурова, г. Черкесск
выпуск 2009 года*

Памяти любимого Учителя

Мне посчастливилось учиться в классе специального фортепиано Народного артиста России, профессора Льва Исаевича Шугома на 4-5 курсах консерватории. Это время я всегда буду вспоминать с большой теплотой и любовью, как одно из самых счастливых в моей жизни.

Лев Исаевич был требовательным и строгим педагогом, при этом чувствовалось, что он внимательный и отзывчивый человек. Подход к ученикам был индивидуальным. Помимо профессиональных навыков, Лев Исаевич большое внимание уделял тому, чтобы у нас выработалось хорошее психологическое состояние при исполнении программы. Наш Учитель всегда был в прекрасной физической форме, подтянут, выглядел идеально и, видя это, хотелось ему во всём соответствовать.

Мы, будучи студентами консерватории, ходили на все концерты. Выступления Льва Исаевича становились для нас большим событием, были наполнены невероятной творческой атмосферой, драйвом и энергией. То были выступления "титана", "атлета", одновременно тонкого и музыкального. Программы отличались насыщенностью и разнообразием. Был настоящий праздник музыки! И мы, вдохновлённые, спешили заниматься. Какие были времена...

Лев Исаевич своим примером учил нас тому, как стать порядочным и надёжным человеком, что гораздо шире профессиональных рамок. Это были уроки на всю жизнь – важные, бесценные, неповторимые...

Спасибо Вам, мой дорогой УЧИТЕЛЬ!!!

Лариса Дмитриюкова
доцент, кандидат педагогических наук
кафедры музыкально-инструментальной подготовки
Института искусств СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
выпуск 1987 года

Слово об Учителе

Я обучалась в классе Льва Исаевича Шугома с 1982 по 1987 годы. С первых дней обучения в консерватории мы, студенты класса нашего дорогого Учителя, находились под пристальным и чутким его вниманием. Забота и сопереживание как о нашем исполнительском мастерстве, так и о нашем личном становлении, о студенческих проблемах каждого, искренне волновали Льва Исаевича. Он сам был очень организованным и требовательным человеком, и внимательно контролировал наши посещения и опоздания на занятия (пусть даже на 5 минут). Он умел ценить время, а мы этого тогда не понимали. Лев Исаевич каждое утро занимался в консерватории, готовясь к сольным концертам. На своём личном примере и нам студентам советовал заниматься в консерватории по утрам с 7.00 до 9.00, т.е. до всех общих занятий. Сам он каждое утро именно в это время занимался, готовясь к сольным концертам.

Занимаясь с нами в классе, Лев Исаевич очень тщательно прорабатывал все детали изучаемого произведения, добиваясь верной интерпретации. Постоянно сам показывал как нужно передать основной образ, каким штрихом, какой силой воздействия и прикосновения к инструменту, приводил различные музыкальные примеры, иллюстрируя их для раскрытия содержания исполняемой музыки. Лев Исаевич регулярно перед экзаменами собирал весь свой класс для исполнения перед всеми подготовленной программы. Это были значительные и достаточно волнительные события для нас. Каждое выступление обсуждалось, и каждый должен был высказать свое мнение об игре своих коллег. Для этого необходимо было подбирать нужные слова, чтобы не обидеть товарища. Лев Исаевич всех очень внимательно выслушивал, а в конце давал каждому рекомендации. Наставления своего учителя мы ждали с трепетом, и это очень сильно заряжало и вдохновляло на дальнейшую работу.

Лев Исаевич постоянно выступал с сольными концертами. Его исполнения отличались мощным энергетическим накалом, тонким проникновенным лиризмом, удивительной виртуозностью с необычайной филигранностью мельчайших деталей и, конечно же, очарованием и обаянием. Мы, его ученики, всегда гордились, что учились в классе Льва Исаевича и очень благодарны ему за его высокий профессионализм, педагогическую мудрость в общении, дар музыкального чутья, за требовательность и одновременно понимание. Школа мастерства, заложенная в период обучения нашим Учителем, проходит через все годы нашей работы в этой профессии. Лев Исаевич навсегда останется в наших сердцах, в нашей доброй светлой памяти о нём!

Дорогой Учитель, Вы всегда с нами!

Татьяна Перова
преподаватель Волгоградской консерватории
(института) имени П.А. Серебрякова
выпуск 1977 года

Выдающемуся музыканту, дорогому педагогу Льву Исаевичу Шугому посвящается...

Я поступила в Саратовскую консерваторию в 1972 году. Годы учебы в консерватории были незабываемым интересным временем. Мне повезло, я попала в класс к молодому энергичному педагогу и необыкновенно творческому и талантливому человеку Льву Исаевичу Шугому. Тогда, в недавнем прошлом, он закончил аспирантуру, и я была его первой ученицей на очном факультете. Сразу же увлекла творческая атмосфера в классе. Приводила в восхищение игра Льва Исаевича, когда на уроке он показывал, как должны звучать те или иные эпизоды произведения, над которым шла работа. Проводя многочисленные художественные аналогии, он попутно играл по памяти и другие сочинения, например, отрывки из симфоний Бетховена или Чайковского. Бывало, проверял мою эрудицию в области музыкальной литературы, спрашивал, знаю ли я, что сейчас звучит. Было интересно, хотелось идти на урок, подражать и тянуться к этой высоте. Лев Исаевич был требовательным педагогом, и было неловко приходиться на урок плохо подготовленной.

Самыми яркими и запоминающимися событиями во время учебы в консерватории были классные концерты. Они начались буквально со второго курса, когда у Льва Исаевича увеличилось количество студентов. Тогда в консерватории классные концерты были не таким частым явлением. На моей памяти грандиозные гала-концерты, устраиваемые С.С. Бендицким. А вот начало традиции проводить классные концерты среди других преподавателей положил Лев Исаевич. Концерты проходили каждый год. Мы играли произведения Баха, Шумана, Прокофьева, все концерты Листа и Рахманинова, любимого композитора нашего педагога.

Перед выступлением в Большом зале консерватории мы ездили с концертами в музыкальные училища Вольска, Тамбова, Волгограда. Неоднократно Лев Исаевич, отыграв сложные оркестровые партии за вторым роялем всем ученикам, на следующий день давал свой сольный концерт. Каждое выступление Льва Исаевича было настоящим событием. Его игра захватывала виртуозным блеском и волновала тонкими проникновенными интонациями. Концертные программы всегда были масштабны. У меня сохранилась одна из афиш. Так, после тематического классного вечера «Фортепианные концерты Ференца Листа» маэстро играл сольную программу, включающую в себя: Прелюдию и фугу Баха, Сонату №18 Бетховена, Сонату №3 Прокофьева, Симфонические этюды и Сонату соль-минор Шумана.

Собранный и организованный Лев Исаевич не боялся трудностей. С годами начинаешь понимать: чтобы совмещать классные вечера и сольные концерты, надо было обладать не только мощным талантом, но силой духа и мужеством. Особенно ярким и памятным стал цикл, включающий все пять фортепианных концертов Рахманинова. Я помню, что подготовка к этому проекту отличалась особым творческим накалом, напряжением и увлеченностью в совместной работе педагога и нас, студентов. Концерты исполнялись в два дня. Сам Лев Исаевич играл Третий концерт Рахманинова. И исполнение этих шедевров фортепианного искусства явилось настоящим творческим праздником для нас. Я благодарна Льву Исаевичу за то, что он доверил мне играть «Рапсодию на тему Паганини».

Замечательны были застолья после концертов, в которых нам, студентам, посчастливилось принимать участие. Лев Исаевич был общительным, коммуникабельным, веселым человеком. Многие коллеги в учебных заведениях, где проходили его концерты, хорошо его знали, люди тянулись к нему, с ним хотелось общаться. Интересны были встречи в Тамбове, в Волгограде, в доме моего училищного педагога Сергея Акимовича Сагиянца и у нас дома, организованные моими родителями.

За столом Лев Исаевич был центром внимания, тамадой, он остроумно шутил, умело поддерживал разговор, с присущим ему артистизмом рассказывал смешные анекдоты, курьезные случаи из жизни, а мы, студенты, слушали его с открытым ртом и смех не прекращался. Впоследствии сам Лев Исаевич с теплотой вспоминал эти дружеские застолья.

Запомнилась мне такая форма работы со студентами, как классные собрания. Лев Исаевич собирал свой класс и мы играли друг другу, а потом начиналось обсуждение. Каждый высказывал свое мнение об исполнении товарищей. Педагог с интересом нас слушал и в конце обсуждения обобщал сказанное. Когда я стала работать, то этот студенческий опыт помог мне на зачетах и экзаменах. Вообще Лев Исаевич относился к ученикам с особой заботой, не подавлял личности студента, когда надо умел вдохновить и поощрить ученика. Как-то на уроке я неудачно сыграла Этюд-картину Рахманинова. Он похвалил меня за хорошо сыгранный последний такт пьесы. Я говорю ему: «Так ведь это только один такт». А он ответил: «Музыканта слышно и по одной ноте». Я была удивлена и польщена такой оценкой, и почему-то сказанные им слова помню до сих пор.

Для нас, учеников, Лев Исаевич был примером высочайшего профессионализма, преданности музыке, организованности, ответственного отношения к выступлениям, к сцене. В одной из поездок я обратила внимание на то, что Лев Исаевич одинаково вежливо общался, как с ответственными лицами, так и с простыми людьми, охотно и уважительно. Он был примером воспитанности и культуры. Хочу еще добавить – он был просто хорошим человеком.

Вспоминать о такой яркой личности как Лев Исаевич можно много. Известно, что он был большим автолюбителем. И мне довелось стать свидетелем этого. На первом курсе я жила на квартире в маленьком деревянном домике, напоминавшем ветхую избушку, во дворе, располагавшемся по проспекту Ки-

рова. Родители сняли мне это жилье, потому что там был инструмент. Сижую занимаюсь, на улице тепло, форточка открыта. Вдруг раздается треск мотора, я выглядываю в окно и со страхом вижу Льва Исаевича на мотоцикле. Возле него бегала маленькая девочка, это была его дочка Танечка. Я осмотрительно прекратила заниматься, дожидаясь, когда Лев Исаевич завершит свою работу с мотоциклом, потому как мне казалось, что он непременно догадается, что сия несовершенная игра, доносящаяся из форточки, принадлежит мне. Так Лев Исаевич и не узнал, что целый год я жила по соседству с его гаражом.

Когда я училась, традиция устраивать в консерватории студенческие и педагогические капустники достигла своего расцвета. Лев Исаевич также был участником этого движения. На капустники приходило много народу, а сами спектакли, как педагогические, так и студенческие, были наполнены юмором, отличались высоким интеллектуальным уровнем и были потрясающе веселыми. Я помню, как на одном из капустников А.А. Скрипай и Л.И. Шугом исполнили попури на двух роялях, состоявшее из остроумного чередования эпизодов классической музыки с музыкой шлягеров. Блестящее выступление двух корифеев было встречено в зале овациями.

Я горжусь тем, что я училась у Льва Исаевича Шугома. Глубокий музыкант, блестящий пианист, виртуоз, мудрый педагог, он вызывал огромное уважение. Я многому научилась у него и благодарна ему за это.

Огромная исполнительская и педагогическая деятельность, высокое, святое отношение Льва Исаевича к музыкальному искусству вылились у него в служение людям и этому он был предан до конца.

Людмила Гримак
преподаватель фортепианного отдела
Саратовского областного колледжа
искусств в г. Балашове,
заслуженный работник культуры РФ
выпуск 1977 года

Вспоминая дорогого учителя...

Моё знакомство со Львом Исаевичем Шугомом началось в далёком 1970 году. Будучи студенткой 3 курса Уральского музыкального училища, я приехала в Саратов на зимние каникулы и волею судьбы попала к нему на консультацию.

Перед тем, как войти в класс, я ужасно волновалась. Но когда увидела лёгкую, доброжелательную улыбку Льва Исаевича и услышала слова: «Ну что, давай знакомиться... Собираешься поступать? ...Что играешь?...» – волнение исчезло. Сыграла Прелюдию и фугу ре-минор Баха, Вальс ор.38 Скрябина, что-то ещё (не помню)... Лев Исаевич сделал ряд замечаний по исполнению, дал

советы по подбору программы для поступления в консерваторию и сказал: «Надо поступать». Полтора года я усиленно готовилась и в 1972 году поступила в консерваторию. Этим я обязана Льву Исаевичу! Именно он поддержал меня и вселил уверенность в свои силы – на той единственной встрече.

По окончании консерватории в 1977 году я начала работать в музыкальном училище г. Балашова. Практически ежегодно Лев Исаевич приезжал к нам с сольными концертами, концертами студентов своего класса, играл в составе трио, квинтета. Незабываемыми останутся концерты консерваторского симфонического оркестра, в которых солировал Л.И. Шугом.

Более 40 лет (!!!) продолжалось наше творческое сотрудничество. Все эти годы мы ощущали огромную поддержку Льва Исаевича: консультации наших учеников, помощь в выборе программы, организация творческих отчётов преподавателей и студентов фортепианного отдела нашего училища в Малом зале Саратовской консерватории... всего не перечислить.

22 марта я приехала в Саратов на сольный концерт Льва Исаевича...

Последние такты «Песни без слов» Мендельсона прозвучали как прощание... Нет слов, чтобы выразить боль утраты... Благодарю Бога за то, что он подарил мне общение со Львом Исаевичем Шугомом, прекрасным Пианистом, Музыкантом, Педагогом и Человеком! Всегда гордилась тем, что училась у Льва Исаевича. Пока живу – буду помнить!

Элина Аронс

*редактор группы заказных программ
службы художественно-публицистического
вещания дирекции художественных программ
и кинопоказа канала «ТВ Центр», г. Москва*

выпуск 1985 года

Светлой памяти Учителя

До того, как я услышала впервые исполнение Л.И. Шугома, мне не хотелось всерьез заниматься музыкой, мечтала я совсем о другой профессии. Но, поступив в Консерваторию в класс Льва Исаевича, поняла, насколько замечательно посвятить свою жизнь изучению классической музыки.

Все ученики Льва Исаевича знали о его привычке приходить в Консерваторию рано утром и заниматься. Эти часы до начала лекций и семинаров были для него очень важны и, насколько я знаю, он сохранил эту привычку до последних своих дней. Мы, студенты, всегда знали, насколько Лев Исаевич организованный и пунктуальный человек. Он умел ценить своё и наше время, настаивал на том, чтобы мы никогда не опаздывали – если урок назначен на 14.45, то нужно быть именно в 14.45, ни раньше, ни позже, и должна сказать, что эти качества с тех пор очень сильно развиты и во мне. Лев Исаевич был

строгим преподавателем, впрочем, никогда не позволял себе резкости, мог тихим спокойным голосом сказать так, что в следующий раз ты приходил с материалом, подготовленным в двойном объёме.

В классе царил безмерное уважение к учителю. Лев Исаевич лепил из нас музыкантов, профессионалов, ювелирно, индивидуально подходя к каждому своему ученику. Вообще, он бы очень чутким и внимательным человеком. Синтез его профессиональных и личных качеств был на таком высочайшем уровне, что больше подобных примеров в жизни я не встречала.

Как мы занимались? Лев Исаевич, не считите за пафос, открыл нам «глаза и уши», он впустил в нас музыкальный космос, научил не просто учиться, но любить учиться. Более того, помимо собственно секретов пианистического мастерства, он давал нам такое количество информации об исполнителях и композиторах, постоянно цитировал письма, воспоминания, разнообразные литературные источники о музыке и музыкантах, и не только... Благодаря ему мы постигали музыкальное искусство во всех направлениях, понимая, что история музыки – это часть огромного культурного наследия и невозможно хорошо сыграть что-либо, не имея полного представления о произведении, о личности композитора и времени, в которое он творил.

Разумеется, мы уделяли время технической стороне вопроса. Лев Исаевич всегда гениально объяснял практическую аппликатуру. Каждый раз после его занятий я выходила, наполненная новыми знаниями и смыслами, каждый день был очередной ступенью вверх.

Лев Исаевич был ярким, живым человеком и очень любил пошутить. Разбираем, например, что-нибудь серьезное, трагическое, он видит, что мы устали, и немедленно показывает какой-то смешной музыкальный отрывок или вытекающий из этих нот современный шлягер... Он показывал нереальное количество примеров, учил нас сравнивать, искать что-то общее, отличать истинное искусство от формальности, понимать талант, отсекал бездарность... Я очень любила, когда он (а иногда и мы) играл нам какие-то отрывки, а мы должны с первых же нот постараться узнать произведение, автора и даже исполнителя. Очень ревностно следил, за тем, чтобы мы вечерами непременно ходили на концерты, чтобы образовывались и вне стен консерватории.

Лев Исаевич очень поддержал меня, когда у меня появилась идея поступать на оперную режиссуру. Но, к сожалению, этому моему плану не суждено было осуществиться, жизнь устраивает всё по-своему. После окончания консерватории я переехала в Москву и мы несколько лет не виделись. Затем, как-то приехав в Саратов, я случайно встретилась со Львом Исаевичем на улице, он очень обрадовался и отчитал меня за то, что я пропала и не захожу в консерваторию. С тех пор мы встречались в каждый мой приезд, много десятилетий поздравляли друг друга с днём рождения. Ни разу не пропустил, и только в последний год своей жизни опоздал на два дня, о чем страшно горевал и извинялся...

Лев Исаевич концертировал по всему миру, стал ректором Консерватории, вложил в неё много духовных и физических сил, отдал 50 лет преподаванию, создал музыкальную школу для одарённых детей, которая теперь носит

его имя... Я нередко думала, почему он не уехал жить и работать за рубеж, но потом поняла, что он был плоть от плоти своего родного города, своего профессионального призвания и своих учеников, которых он любил и за которых всегда переживал и волновался. Он принадлежал к поколению честных, благородных людей, удивительно преданных своему делу и растворённых в нём без остатка.

Многие его ученики разъехались по всему миру и состоялись как прекрасные исполнители-профессионалы. Если бы меня попросили тремя прилагательными описать Льва Исаевича Шугома, я бы сказала: обязательный, строгий и нежный. И еще очень требовательный к себе. Для него фраза «я знаю, что ничего не знаю» была практически как кредо, ибо чем больше он совершенствовался в своем искусстве, тем больше ощущал потребность в том, чтобы двигаться дальше, расти, преодолевать... Это постоянное стремление к вершинам, которое становится двигателем жизни, он передал всем нам.

Марина Новопавловская (Черкасова)

*Преподаватель Детской музыкальной школы №1 имени С.В. Рахманинова,
солистка Крымского Центра старинной музыки (клавесин),
преподаватель Школы раннего музыкального развития, Крым, г. Симферополь
выпуск 1985 года*

Письмо Учителю

Дорогой Лев Исаевич!

Так и не хочет приходиться понимание того, что я не смогу благодарно обнять Вас при встрече, пожать руку, посмотреть в глаза! Но как здорово, что в моей жизни был и, уверена, есть учитель Шугом.

Занятия в Вашем классе были не только основательным профессиональным стартом, но и примером общения со студентами и коллегами, а умение слушать собеседника, неповторимая манера отвечать и тонко иронизировать над собой уникальны!

Невозможно забыть Вашу заботу и выручку в непростые моменты студенческой жизни. Как-то на экзамене, вымученная простудой и температурой 39, я стала «терять» текст концерта. Слабо помню, что Вы начали играть за двоих, а потом сказали единственное: «Хорошо, что не убрала руки».

Да и после выпуска Вы были в курсе наших побед и неудач, радовались и огорчались вместе с нами, Вашими студентами. Даже интересовались репертуаром моих учащихся!

Однажды Вы удивились тому, как в Первом концерте Сергея Прокофьева я разложила фактуру и обозначила аппликатурные варианты так, как если бы это было сделано Вами.

Значит, всё не зря!

Вы говорили, что важно не только учиться, но и научиться. И помнить, что в музыке главное музыка. А она была Вашим кредо, смыслом жизни.

И ещё профессионализм. Высочайший!

Помню, на Ваших выступлениях у меня первой реагировала кожа, потом были слёзы и наступало понимание всей глубины исполнения. Это ли не подлинное искусство?

А ещё Вы поздравляли нас с праздниками...

Любили Крым, Коктебель...

Когда бываю в тех краях, на ум приходит: «Могучим Кара-Дагом над безбрежной лагуной искусства созерцает Маэстро хоровод суетливых чаек».

Выдержка, мудрость, юмор, совесть и честь – это портрет моего Учителя.

Ваша поддержка ощущалась всегда. Впрочем, я и сейчас на Вас рассчитываю!

Людмила Сябренько (Зикрач)

Преподаватель отделения специального фортепиано

Краснодарского музыкального училища

им. Н.А. Римского-Корсакова (Краснодар).

Заведующая фортепианным отделением

и преподаватель Детской музыкальной школы № 2,

солистка и руководитель ансамбля «Ренессанс» при Камчатской филармонии,

директор «Детской филармонии»,

ведущий специалист Управления культуры (Петропавловск-Камчатский).

Солистка фортепианного дуэта «ТРОЙКА»

при RUSSIAN and AMERICAN PERFORMING ARTISTS /RAPA/ (США-Россия).

выпуск 1974 года

Воспоминания об Учителе

Оказывается, писать воспоминания совсем не трудно,

если не посягать на лавры великого наблюдателя...

а простодушно говорить о себе самом.

Люди, правда, почти не узнают о том, кто искусил твою слабую память,

зато узнают, в каком хорошем обществе ты вращался.

Ю. Нагибин

Любые воспоминания – это блики памяти. Перед внутренним взором возникают отдельные кадры, как в кино, иногда к ним есть музыкальное сопровождение, а иногда нет. Память поворачивает тебя вспять и тогда... оживает прошлое. Возвращаясь далеко назад, испытываешь те же чувства, что когда-то,

только к ним примешивается горький осадок утраты и невозвратности времени. Прошлое не повторимо...

Мои воспоминания о Льве Исаевиче Шугоме почему-то не складываются в хронологический ряд, а выстраиваются по какому-то другому принципу, логике которого понимать не хочется.

I курс консерватории. Получив задание на зимние каникулы и взяв необходимые ноты в консерваторской библиотеке, отбыла домой в Грозный. После трёхдневного отдыха решила начать с Баха – была задана Французская сюита №3 h-moll (BWV 814). Открыв ноты, ужаснулась от графики – какое-то нагромождение лиг, лигочек, точек, чёрточек, акцентов, точек, сочетаемых с лигой! За всем этим кошмаром нот почти не было видно. Первой мыслью было пойти в нотный магазин и купить другое издание, но меня вдруг пронзила мысль, что человек, редактировавший это сочинение, скорее всего не был идиотом. Внимательно рассмотрела библиотечный экземпляр, ноты были изданы в Лейпциге издательством Эгона Петри в начале XIX века, судя по истерзанной и много раз подклеенной обложке. Текст вступительной статьи был на немецком и английском языках. Моих тогдашних знаний английского хватало, чтобы понять текст обложки, а заниматься переводом вступительной статьи было слишком трудоёмко. На титульном листе значились знаменитые имена и фамилии – Ферруччо Бузони и его учеников – Эгона Петри и Бруно Муджеллини. Значит он или они? так слышал или слышали? эту музыку и старался или старались? изо всех сил своё слышание перенести на бумагу. Но что скрывали все эти знаки?! Я стала разбирать части сюиты и совершенно не понимала, как всё это надо играть!

Мысли о потаённом значении редакторских знаков не давали мне покоя ни днём, ни ночью, особенно по ночам. Под напряжённый аккомпанемент своих мыслей я и засыпала. Кончились каникулы. И вот я опять в любимейшем Саратове, на первом уроке по специальности после каникул. Я начала с сюиты, но после первых тактов Allemande, остановилась и задала Льву Исаевичу мучавший меня вопрос о значении нагромождённых редакторских знаков. Он попросил уточнить, что конкретно я имею в виду. Внимательно просмотрев напечатанное, он сказал, что, видимо, кроме редактора на этот вопрос никто не сможет ответить, но он спросит мнение Семёна Соломоновича (Бендицкого).

Сам же сел играть сюиту, исполняя каждую часть с комментариями, что так сыграл бы Гилельс, а так Рихтер, а так я бы сыграл, а Вы (нас, юных студентов Лев Исаевич сам, будучи совершенно молодым человеком, ненамного старше меня, всегда называл на «Вы») должны сыграть как-то по-своему, ну или по-моему. Я была поражена, как точно он изобразил стилевые особенности игры Гилельса и Рихтера (Рихтера я слышала «вживую», а не только в записях), и как отличалась его собственная трактовка! Я была в восторженном шоке!

Именно этот урок стал основополагающим в моей ученической преданности Учителю, но об этом позже.

Если современный читатель будет читать эти строки, то требуется пояснение. Профессор С.С. Бендицкий учился у Г.Г. Нейгауза, а Лев Исаевич был

музыкальным «внуком» Г.Г. Нейгауза, ну а я, соответственно, «правнучка», равно как и все студенты Льва Исаевича.

Воспоминания уносят меня к 1993 году, когда в Саратове состоялся Первый Нейгаузовский фестиваль. С этого фестиваля я привезла массу ярчайших впечатлений от встреч с музыкой, в том числе и доселе неизвестной, от встреч со знаменитыми личностями – Алексеем Наседкиным, Элисо Вирсаладзе, Натальей Гутман и другими известными исполнителями, а также книгу «Генрих Нейгауз» под редакцией Д.В. Житомирского, Л.Н. Наумова, в создании которой рецензентами выступили Е.В. Малинин и Г.М. Цыпин, книга же составлена и комментирована Е.Р. Рихтер и с именной дарственной надписью Милицы Нейгауз – дочери Генриха Густавовича от второго брака, из рук которой я её и получила.

После фестиваля, уже на Камчатке, задалась целью докопаться до истоков своей музыкальной родословной. Перечитав биографии многих музыкантов-пианистов (тогда ведь не было интернета) и композиторов, к которым меня приводили мои изыскания, выяснила – с имени великого Бетховена идёт наш! музыкантский род. Вот цепочка, которую удалось собрать по звеньям: Бетховен – Черни – Лист – Таузиг и Бюллов – Барт – Нейгауз – Бендицкий – Шугом. Вот как постепенно наполнялась и передавалась из поколения в поколение копилка, хранящая множество бесценных знаний и умений фортепианного исполнительского искусства! Уму непостижимо, но это здорово!

Но продолжу вспоминать историю с Французской сюитой. Лев Исаевич забрал у меня ноты, велел взять в библиотеке другой экземпляр, что я и сделала. Это была другая редакция, в которой не было особых редакторских изысков и нагромождений. На следующем уроке Лев Исаевич передал мне соображения С.С. Бендицкого по этому поводу. Дословно не вспомню, но по смыслу было сказано, что лучше всего создавать свою редакцию по уртексту, если, конечно, ума достанет, а что касается данной редакции, то это бред теоретика, но не пианиста. Я тогда так и не поняла отношения Бендицкого к Бузони, Петри и Муджеллини. До сих пор осталось загадкой – считал ли Семён Соломонович редакторов недостойными пианистами или, может же такое быть, не просмотрел титульный лист?! Мне был дан совет сдать ноты в библиотеку и пользоваться другой редакцией.

Когда пришло время отчитываться на кафедре, где царствовал сам Семён Соломонович и все его молодые ассистенты, после выступления Бендицкий сказал приблизительно следующее: «Голубушка, не бери в голову всякую дурь, это я о Французской сюите, а вообще молодец, что думаешь о том, что написано, вот только надо соотносить ещё и кем».

Ноты эти в библиотеку я не сдала, солгав Сильвии Александровне (по моему, так звали старейшего работника библиотеки Саратовской консерватории), что я их потеряла, за что заплатила штраф.

Старинные ноты притягивали меня, я пыталась разгадать тайные для меня музыкальные знаки, а впоследствии, как мне думается, разгадав, написала работу «Синтаксис музыкальной речи». Дав почитать эти размышления о роли

лиги в фортепианной литературе и других знаках, обозначающих штрихи, одному маститому музыканту (имя упоминать не буду), получила одобрительный отзыв. Но, памятуя о бытующем мнении, что кто не умеет играть, тот начинает писать, не зажглась этой мыслью.

Однажды, открыв дверь класса, услышала, что Лев Исаевич играет Сонату №2 g-moll Шумана. Я стояла и слушала, не решаясь войти. Вошла, когда закончилось исполнение. Лев Исаевич сказал мне: «Вот думаю, что Вам дать учить – «Венский карнавал» или Вторую сонату». Я робко выразила своё мнение, что Шуман мне не близок. Лев Исаевич в свойственной ему юмористической манере сказал: «То есть, Вы очень далеки от Шумана. Тем более – Вас надо друг к другу приблизить, даже если это будет вопреки. Начнём с «Венского карнавала», я так понял, что Вам всё равно». Делать было нечего, кроме как повиноваться. С большой нелюбовью я приступила к разбору этого сочинения. Особенно раздражали (именно раздражали, если не сказать возмущали) марши и маршевость, пронизывавшая почти всю его музыку. Меня раздражал и вызывал неприятие этот немецкий дух, эти четыре четверти, даже когда их было три, эти термины на немецком языке вместо итальянского. В общем, Шуман никогда не был моим композитором, да и не стал по сей день. И дело даже не в том, что мы были политизированы, и с негодованием, заложенным видимо как-то генетически, относились ко всему немецкому после Второй мировой войны, хотя прошло достаточно много лет после её окончания. Даже лирические темы не вызывали отклика, мне казалось, что всё это притворство, что композитор, в чьём творчестве марши, марши, марши, лукавит, притворяется в своих чувствах, для него не это главное, а что-то другое, что выражается бесконечными маршами.

Принеся на урок наполовину выученный «Венский карнавал», была напрочь раскритикована Львом Исаевичем. Он сказал, что это никуда не годится, что великая музыка в моём воспроизведении становится ничем. Сел за рояль и стал играть, останавливаясь и призывая меня взглянуть на эту музыку, исходя из её названия, где ключевым словом является «карнавал». Задал мне вопрос о том, знаю ли я, что это такое. Это уже было почти оскорбление, но, видимо, только так можно было меня развернуть в сторону автора. И начал рассказывать о своём представлении, как он видит маски и, самое главное, что скрывается за этими масками. Я опешила! Заранее настроившись на неприятие этого произведения, вдруг осознала, что самое то главное – это то, что скрывается под масками! И потом, долго думая над этим, я поняла, что за внешними атрибутами маршевости и помпезности прячется совершенно ранимая, уязвлённая чем-то или кем-то душа человека, и не важно, что он немец. Страдание, боль, презрение к самому себе, отчаяние и ещё другие чувства, которые трудно выразить словами, может испытывать любой человек без привязки к стране, к национальности, просто он человек – творение Божье. На следующем уроке я коряво поделилась своими мыслями, боясь иронии и насмешки, но Лев Исаевич, выслушав меня, был серьёзен, и после некоторой паузы сказал, что теперь он спокоен, и я исполню (так и сказал – исполню, а не сыграю) выдающееся сочи-

нение величайшего сумасшедшего гения хорошо. Так оно и произошло. А потом была Вторая соната g-moll. Помню, как её великолепно исполнял сам Лев Исаевич, с такой страстью, с таким неистовством, как будто не было надежды на свет в будущем!

Много лет спустя я с дочерью Владой, аспиранткой консерватории, обучавшейся как бы по наследству у Шугома, зашли в класс ко Льву Исаевичу, зашли просто пообщаться, но шёл урок со студенткой, исполнявшей Сонату Бетховена A-Dur № 28, ор. 101. Он жестом пригласил нас присесть. Мы тихонечко расположились в классе. Лев Исаевич по натуре артист, которому нужна публика! Прямо на наших глазах он так воодушевился, показав своё глубочайшее проникновение в мысли, чувства человека, жившего более полутора веков назад! Поддавшись магнетизму ассоциативных сравнений, стараясь повторять то, что показывал и рассказывал в мельчайших подробностях Лев Исаевич – о присутствии в сонате и мужественности, и мечтательно-просветленной печали, и даже спрятанной скорби, и юмора – студентка (не помню её имени и фамилии), буквально преобразилась. Как будто и не она была за роялем! На наших глазах происходило волшебство, волшебство творчества Учителя и ученика! Мы сидели как заворожённые, не смея шевельнуться, чтобы, не дай Бог, не разрушить магию священнодействия! Урок был окончен. У студентки неистово горели глаза, у нас тоже. Влада в восторженном порыве сказала: «Лев Исаевич, Ваши уроки надо записывать на видео, это должно стать достоянием многих!» На что услышала в ответ, что никогда он не будет с показухой выступать, что урок – это интим души, и если кому-то довелось при этом присутствовать, то вот этого и довольно. Именно на этом уроке я поняла, что мой Учитель – **Великий Магистр Музыки**, но не в современном значении, а так как его понимали в позднем Риме, в Византии в VII - VIII веках, как один из высших титулов почитания. Магия творчества – вот что волшебным образом всегда сильно воздействует и попадает прямо в сердце и душу, делая зарубки прекрасного, которые навсегда укладываются в сундучок памяти.

Вспоминая моего **Учителя** как педагога, хотя это определение меньше всего к нему подходит, не могу не упомянуть о его человеческой заботе о нас – его студентах.

V курс. Выбор госпрограммы. Мне была предложена щадящая программа, видимо учитывалось то, что я не имею времени полностью отдаться музыке, имея маленького ребёнка. Меня это совершенно не устраивало. Я предложила свой вариант, в котором Лев Исаевич очень сомневался. Но я была упрямой и решила выучить к зимней сессии две программы – рекомендованную и выбранную мною, но не утверждённую. Занималась, как вол, но выучила то, что запланировала. Надо упомянуть, что мне разрешили свободное посещение по семейным обстоятельствам. Я должна была приехать в Саратов в конце ноября, по своему собственному желанию сыграть две программы, чтобы, если повезёт, утвердили ту, которую хотела я. Лев Исаевич (я понимала, что «по шапке» могу получить не только я, но и мой преподаватель), уговорил Семёна Соломоновича выслушать две программы, он поворчал, но велел начинать с

той, которая мне по нраву, добавив, что какие ныне строптивые студенты пошли, никакого уважения к мнению старших, но также заметив, что когда он учился у Нейгауза, тот позволял играть студентам что хочется, за редким исключением.

Вторую программу слушать не стали, утвердили мой вариант. Семён Соломонович прямо при мне сказал: «Ну, Лёва, работай! Через два месяца изволь выучить Концерт и Сонату, буду слушать». Вот программа моих госэкзаменов:

И.С. Бах. Прелюдия и фуга *cis-moll*, ХТК. I том;

Л. ван Бетховен. Соната *c-moll*, op. 111, № 32 (обе части);

С. Рахманинов. Концерт № 3 *d-moll*, I часть (хотя был выучен весь концерт);

Р. Щедрин. *Basso ostinato*.

Последняя сессия. Приехала в Саратов заранее. Лев Исаевич планировал, чтобы я обыграла программу в Большом зале консерватории на сольном концерте. Мы поделили отделения с моей землячкой из Грозного – Олечкой Суденко (уже давно покойной – Царствие ей Небесное!), заканчивающей консерваторию у Ольги Васильевны Мироновой. Лев Исаевич делал для своих студентов всё возможное и даже невозможное, так он смог организовать бесплатную печать афиш к нашему с Олечкой концерту.

Сольный концерт прошёл очень успешно для нас. Но той же ночью я свалилась с жесточайшей лакунарной ангиной с температурой 39,9°. Никакие лекарства не помогали, температура держалась, как заколдованная все десять дней до самого госэкзамена. Однокурсницы вызвали моего мужа, объяснив ему в телеграмме весь ужас моего положения – надо было печатать реферат, не говоря уж о том, что в скором времени предстояла его защита, а перед этим экзамен по научному коммунизму.

Комиссию по защите дипломного реферата возглавлял тогдашний ректор – Сосновцев Борис Андреевич. Я его панически боялась, сталкиваясь с ним, правда к счастью, редко, начинала дрожать всем телом. Думаю, что причиной всему были его усики, именно этим «украшением» лица он напоминал мне Гитлера. Я призналась в своей фобии Льву Исаевичу. Он с интересом посмотрел на меня и сказал: «Усы ему сбрить я не смогу. Вам, надо будет потренироваться представлять этого человека без усов, может тогда будет не так страшно. Действуйте, как драматические актёры – не смотрите на него, а смотрите на меня, например. А если задаст вопрос, слушайте, опустив глаза – и скромно, и не страшно». Эти по-настоящему дельные советы были сказаны в шутливо-юморном тоне. Но самое интересное, что я так и поступила – действовала чётко по «инструкции» Льва Исаевича, и это помогло!

Лев Исаевич «подключил» все медицинские силы, через свою маму, Ольгу Панкратьевну, достал мне препарат бициллин, который способствовал впоследствии становлению на ноги, но этот дефицитный препарат достали за день до госэкзамена по специальности. В день экзамена – 25 июня – Лев Исаевич бледный, как мелованная бумага, вывел меня на сцену Большого зала под руку, я не могла даже, как было положено, поклониться. Весила 44 кг. Краем глаза

увидела, что Лев Исаевич волнуется так, что мне стало страшно за него, а не за себя (мне было всё равно как пройдет экзамен, лишь бы засчитали), он был бледен, губы поджаты, в глазах было такое сострадание, что во мне что-то перевернулось. Выведя меня на сцену и усадив за рояль, он ушёл в артистическую. Сольную часть программы я исполнила без единой поправки и даже на каком-то подъёме. Потом вышел Лев Исаевич, шепнул мне, что я большая молодец, сказал: «С Богом!», и сел за второй рояль. Сил у меня уже не было. И я не знаю, откуда они взялись, думаю, что гениальность музыки способна творить чудеса и исцелять. Концерт был также сыгран отлично, музыка наполняла меня жизнью, давала мне силы и эмоции, да такие, каких раньше мне не доводилось испытывать! Я не смогла поклониться на крики «браво» и бурные аплодисменты, Лев Исаевич буквально вынес меня в артистическую, там уже на подхвате был муж. Я всё это вижу и чувствую, как будто и не прошли сорок с лишним лет. Удивительно, но к вечеру этого же дня, моя температура начала спадать и я пошла на поправку – то ли сработало лекарство, которое с таким трудом доставали, благодаря усилиям моего Учителя, то ли стресс сделал своё дело, но экзамен по камерному я сдавала уже без температуры, хотя и в состоянии величайшей слабости.

Я была в числе самых первых студентов, т.е. 1968 год был годом моего поступления в консерваторию и вторым годом работы Льва Исаевича на кафедре. Но так случилось, что осенью Льва Исаевича призвали на службу в армию, и всех его студентов распределили. Я попала к Асе Дмитриевне Киреевой. У неё был совершенно иной стиль преподавания, и мне это меньше подходило.

Год 1969. Ура! Наш преподаватель снова с нами! Сколько же было пройдено за первое полугодие II курса! Особенно запомнились уроки, посвящённые Листу – Венгерская рапсодия № 12, Большие этюды по Паганини №2 (Es-Dur) и № 5 «Охота», а также особенно любимившимся мне сочинениям – Бах-Бузони «Чакона», Соната № 3 Прокофьева. Всё это было выучено за 3 месяца. Мы, его студенты, работали с каким-то вдохновенным энтузиазмом, а наш преподаватель, изголодавшийся по любимой стихии после армии, творил с нами чудеса! Почти все уроки проходили с фирменной меткой – на все разбираемые вдоль и поперёк произведения у Льва Исаевича, как из рога изобилия, находились многочисленные примеры с аналогичными задачами, но других композиторов. Это было поразительно!

Эту особенную черту его педагогического мастерства знала не только я и его консерваторские ученики. Это отмечали все, кто когда-либо присутствовал на его знаменитых мастер-классах. Хочу привести заметку профессора Н.Л. Межлумовой «*Старая добрая забытая классика*» из газеты «Кубанские новости» №№ 39-40 от 1 марта 2002 года:

«В Краснодаре в муниципальном концертном зале состоялся Концерт заслуженного артиста России, профессора Саратовской государственной консерватории Л. Шугома. Зрители, а это в основном преподаватели, студенты, учащиеся музыкальных школ, музучилища им. Н.А. Римского-Корсакова, Университета культуры и искусств, сошлись во мнении: исполнительское искус-

ство пианиста выше всяких похвал. Особо отмечено блестящее исполнение Седьмой сонаты Прокофьева, «Карнавал» Шумана, а также произведений Чайковского, Рахманинова, Шопена, Шумана. Музыкант провёл в наших учебных заведениях несколько мастер-классов. Поражали объём его пианистической памяти, знание огромного числа фортепианной литературы. «Просто удивительно, как на один пример из музыкального произведения пианист приводил шесть-семь аналогичных примеров из других произведений с теми же проблемами», – делились слушатели впечатлениями».

И вдруг прошёл слух, что Шугом поступает или уже поступил в ассистентуру-стажировку в Москву. Я приуныла, значит опять мыканье по другим преподавателям... Но мы понимали, что это неизбежность. И я решила выйти замуж. Помню, как Лев Исаевич, узнав о предстоящей свадьбе (надо добавить, что учёба была заброшена капитально), отчитывая меня на одном из уроков за неделю до экзамена (шла зимняя сессия II курса и надо было играть Второй концерт Листа), сказал: «Как Вас угораздило решиться выйти замуж за такого отпетого парня! Он Вам испортит всю жизнь!» Самое удивительное, что потом Лев Исаевич и мой муж Слава стали друзьями.

Мы с мужем не раз приезжали на машине в Саратов, чтобы повидаться, посидеть, повспоминать. Одна такая встреча состоялась, когда у Льва Исаевича как раз была неделя свободного времени от концертов и председательства в жюри. Он только что вернулся из Пятигорска, где состоялись его концерты, и нам удалось уговорить Льва Исаевича, хоть он и сопротивлялся, включить видеозапись Вальсов Шопена и «Мефисто-вальса» Листа. Блестяще-филигранное исполнение, как помнится, Вальса Des-Dur, хрупко-хрустальное Вальса cis-moll и грустно-задумчивое, нежное, как сквозь пелену далеко ушедшего прошлого Вальса a-moll. Затем был Мефисто-вальс. И вдруг непопадание на бас, где скачки. И вот, в своём шутовском тоне комментарий Льва Исаевича: «Что парниша, не нравится тебе? – Не нравится. Надо было лучше заниматься!»

Мы со Славкой надорвали животы, с таким юмором это было сказано! Потом Лев Исаевич рассказал, что пленился этим произведением, когда услышал Джона Огдона и обратился ко мне: «Теперь Вы, Люда, понимаете, почему я был так против этого произведения в Вашей программе на IV курсе, по-моему. От таких непопаданий в этом месте никто не застрахован!». Он стал сетовать, что вовремя не стёр эту запись, и добавил: «Ведь Мефистофель – это же дьявол, которому всё подвластно, и вот на тебе!» Я высказала своё мнение, что причём тут непопадание на какой-то бас, когда в исполнении столько дьявольской страсти, столько обольстительной нежности... Он перебил меня и произнёс: «Но вывод я сделал – нельзя безумствовать в своей страсти, всегда нужен контроль, как только он прекращается хоть на секунду, возникают всякие неполадки».

А один раз тоже после посещения Ставропольского края Лев Исаевич был у нас дома в гостях в Краснодаре. Был 2000-ый год, весна. Слава накрывал на стол, а мы разговаривали, естественно о любимой фортепианной музыке, Лев Исаевич рассказывал о Всероссийском конкурсе юных пианистов «Вдохнове-

ние». И вдруг, прервав самого себя, пошёл к своему багажу и вытащил бутылку шампанского с названием «Шугомское». На этикетке был портрет Льва Исаевича. Оказывается, завод шампанских вин изготовил специально для Льва Исаевича небольшую партию шампанского в его честь! Это было удивительно! Шампанское мы выпили, а бутылку я сохранила – во-первых, она знаменательна тем, что именная, а во-вторых, тем, что бутылка эта – свидетель перехода из одного столетия в другое – ведь на этикетке значился 2000 год!

Мой муж Льва Исаевича звал, естественно, Лёва, я же даже через много лет, когда небольшая разница в возрасте уже вообще не имела никакого значения, так и не смогла, не взирая на настоятельные просьбы, звать просто по имени без отчества. Это преклонение перед недюжинным талантом пианиста и человека не давали мне преступить эту черту.

Однажды, после моего обращения ко Льву Исаевичу по имени-отчеству он даже слегка рассердился, и с досадой произнёс: «Слава, ну скажи ей, сколько можно меня называть так, как будто мы на партсобрании». Но мой муж возразил: «Лёва, это бесполезно. Ты не понимаешь, для Людкá ты – БОЖЕСТВО, и не приставай, и не заставляй. Пусть останется так как есть». С тех пор Лев Исаевич больше не возвращался к этому вопросу.

Чем больше пишешь, тем больше вспоминается. Хочется и об этом написать, и о том; разбуженные мысли-воспоминания налетают друг на друга, борясь за первенство. Так о чём же сначала?

Мы жили на Камчатке, и мой муж уговорил Льва Исаевича прилететь в Петропавловск-Камчатский с концертами, мастер-классами, да и просто отдохнуть в удивительном уголке нашей необъятной России. Он вначале не хотел, ссылаясь на занятость, длительный перелёт, но потом признался, что не любит самолётов, а попросту боится летать, но всё же согласился. Встретили, уговаривали поселиться у нас, хотя гостиница, конечно, была забронирована, но Лев Исаевич наотрез отказался. И вот первый концерт. Слава выполнял роль импресарио, я изгонялась из артистических, а Славику дозволялось быть до самого выхода на сцену. Лев Исаевич говорил, что Славка его успокаивает своим добродушным видом. Я пошла в зал. Вышел ведущий концерта, представил артиста, объявил первое произведение и удалился. На сцену вышел Лев Исаевич. Сел за рояль и стал смотреть себе под ноги, момент затянулся, в зале начался шумок, вдруг пианист встаёт из-за рояля и уходит за кулисы. Через некоторое время возвращается, держа в руке носовой платок, и как бы показывая, что вот, мол, забыл, извините, садится и концерт начался...

«Думка» и Большая соната Чайковского, вызвавшие бурю восторгов, а после неё такая простая, грациозно-нежная «Песнь жаворонка» и проникновенная поэтично-философская «Осенняя песнь». Седьмая соната Прокофьева во втором отделении продолжала доводить публику до высшего градуса, Петрушкой Стравинского публика была сражена окончательно, а бисирование «Наваждением» довело зал до экстаза. Все повскакивали с мест, кричали «браво», скандировали «ещё, ещё, ещё» и было ещё – Вальс Шопена – грустный, задумчивый, нежный и какой-то прощальный.

В антракте Лев Исаевич попросил никого не беспокоить его, объяснил, что он должен быть один, должен сосредоточиться, а любое общение его выбивает из колеи. Мы мучились вопросом, почему, выйдя на сцену, уже сев за рояль, слишком долго не начинал, а потом и вовсе ушёл за кулисы? Причину же узнали только дома, где собирались немного отметить триумфальное выступление. И Лев Исаевич рассказал нам комичную историю. Сев за рояль, он (и хорошо, что сделал это!) посмотрел вниз и вдруг увидел, что замок на брюках не застегнут. Потребовалось время, надо было решить – оставлять всё как есть или исправить оплошность. Было понятно – мысль о том, что в костюме что-то не так не даст покоя и возможности полностью отдаться исполнению, и, пока он сидел за роялем, пришла идея, что надо уйти, всё исправить и сделать вид, что забыл платок. Мы от души смеялись! Все знают – казусов у артистов всегда хватает!

Со Львом Исаевичем мы часто встречались в Краснодаре, когда он приезжал с концертами и мастер-классами. Зал всегда был полон, мест не хватало. Пианиста Льва Шугома знали и любили, концерты были аншлаговые!

В Краснодаре много «саратовцев» (выпускников консерватории), в том числе пианистов – супружеская чета Шубиных – Ларик и Наташа, Наталья Коробейникова, Люда Бржезовская и я, Людмила Сябренко с моим мужем Славой. Каждый раз после концертов мы собирались пообщаться. Наши знаменитые посиделки! Сколько интеллектуальных разговоров, шуток, дорогих воспоминаний и... вкусная еда! Незабываемые встречи, забываемое общение, объединённых влюблённостью в МУЗЫКУ людей! И восторги, восторги от только что услышанного, от сопричастности к чуду, сотворённому руками, душой и сердцем Льва Исаевича!

Но он сам к себе был мелочно придирчив и чрезмерно строг. Его исполнение отличалось не только глубоким проникновением в содержание, иногда увиденное по-своему, по-новому, иногда разрушающее штампы трактовок, не только эмоционально-задевающее и вызывающее порой слёзы, не только блестяще-виртуозное, не только построенное по принципу – от очень сложного, к невероятно сложному, но самое удивительное при этих «не только», исполнение было всегда безупречно чистым. И вот как-то однажды после дифирамбов и восторгов, высказанных в адрес желанного гостя, Лев Исаевич, смущаясь, сказал: «Да бросьте вы, ребята, в самом деле! Я чуть на одну ноту не попал, палец почти соскользнул!». Кажется, Наташа Шубина ответила: «Ну ведь попал всё-таки, а все внутренние ощущения знаешь только ты, Лёва!» – «Но ведь неприятно как!», – искренне и с горечным сожалением возразил Лев Исаевич.

В 2004 г. в Краснодаре стартовал международный конкурс им. М.А. Балакирева. С этого периода и до 2016 года Лев Исаевич был бессменным членом жюри, а после смерти А.Г. Скавронского возглавлял жюри в качестве председателя. И когда я находилась в Краснодаре в период проведения конкурса, всегда старалась посещать конкурсные туры, ну, а если не было времени, то обязательно концерт лауреатов, где всегда могла увидеться со Львом Исаевичем, поговорить. Так получилось, что на одном из последних конкурсов мы были

втроём в Краснодаре – я, Влада – моя дочь, и мой внук – Саша. После концерта мой впечатлительный внук спросил у Льва Исаевича: «А Вы будете меня учить, когда придёт время?», – на что Лев Исаевич, уже плохо себя чувствуя, как мы потом узнали, с такой горечью ответил ему: «Ну, мне ещё до этого времени дожить надо». У меня до сих пор хранятся все конкурсные буклеты с его автографами и трогательными надписями.

В 2016 году проходил VI конкурс им. М.А. Балакирева. Я совсем недавно вернулась из Соединенных Штатов и смогла попасть на этот конкурс под председательством Л.И. Шугома (как оказалось, в последний раз). Когда мы увиделись, а было это 8 октября, я была поражена произошедшими с ним переменами, и дело было вовсе не в том, что он плохо выглядел физически, нет! На сцене – и когда играл, и когда говорил – был, как всегда бодр и великолепен, внешне – безупречен. Но в его глазах была такая нечеловеческая усталость, в них было страшно смотреть, в них была печать смерти. Этот взгляд, обращённый в другие пределы, взгляд, полный тоски и в то же время какого-то торжества, пугал, и я тогда поняла, что мы видимся в последний раз.

Но возвращаясь к 8 октября 2016 года. Я не собиралась, но меня как что-то толкнуло, и я стала упрашивать Льва Исаевича сфотографироваться на память, он бурно запротестовал, но я настояла, фотографии, сделанные на телефон подвернувшимся студентом, получились плохо.

Льву Исаевичу подарили огромный букет, а когда мы прощались, он попросил взять этот букет, объяснив, что ночью уезжает. Я не стала перечить и возражать и почувствовала в этом жесте что-то непонятное и необъяснимое, но необходимое. Цветы принесла домой, они пахли осенней горечью, при взгляде на них у меня мокрели глаза. Букет простоял долго, очень долго, почти две недели, что самое удивительное они не увяли, а просто засохли, может потому, что это были осенние цветы, а может ещё почему...

После окончания консерватории я дала себе слово, что буду поздравлять Льва Исаевича с Новым годом и с Днём рождения, где бы я ни находилась. И я держала это слово, отправляла открытки, написанные собственноручно даже из Америки. А сейчас, когда его не стало, я ежедневно читаю заупокойную молитву и раз в сорок дней записываю его имя в сорокоустах о упокоении, также, как делаю это по отношению ко всем моим дорогим людям, покинувшим нашу грешную, но такую прекрасную землю, жизнь на которой и есть земной рай, где есть радость, счастье, любовь и, наконец, МУЗЫКА! Для моего дорогого Учителя МУЗЫКА была всем в его жизни, она была и мечтой, и счастьем, и радостью, и его огромной любовью. И он служил ей преданно и беззаветно, служил с блеском и восторгом, отдавая себя целиком этому великому служению, пока не перестало биться сердце...

Т.И. Кан
*профессор Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова*

Лев Шугом – учитель и ученик

Творческая жизнь Льва Исаевича Шугома – яркая страница в истории Саратовской консерватории. Не каждому воспитаннику *Alma mater* посчастливилось пройти свой путь так последовательно, «по восходящей», в профессиональном и в общественно-административном плане. Как пианисту – от студента до Народного артиста России, как педагогу – от ассистента до профессора, как руководителю – от заведования кафедрой специального фортепиано до должности ректора Третьей консерватории России.

Мне довелось быть свидетелем этой прекрасной профессиональной жизни от школьных дней, пройдя рядом с Львом Исаевичем весь его путь в очень разнообразных академических взаимосвязях. Сначала это были *годы ученичества* в классе профессора Семёна Соломоновича Бендицкого, воспитавшего в нас чувство музыкального братства, послужившего важнейшей основой *полувекового сотрудничества* – уже в статусе педагогов кафедры специального фортепиано, созданной нашим учителем из своих воспитанников. Однажды самым удивительным образом наши дружеские отношения преобразовались в новую форму – *«учитель и ученик»*. Именно с лёгкой руки С.С. Бендицкого, заботившегося о всестороннем становлении своих «детей-пианистов», студент Лёва Шугом вместе со своей юной супругой – альтисткой Маей Вааповой – неожиданно оказался в моём консерваторском классе камерного ансамбля. Спустя годы Лев Исаевич стал заведовать кафедрой специального фортепиано, то есть *руководил своими братьями* по классу профессора С.С. Бендицкого, в том числе и старшими, что снова изменило наш коллегиальный стиль общения. Заключительный период восхождения – в должности ректора вуза – позволил Льву Исаевичу Шугому реализовать все свои лидерские качества как пианиста и как музыканта, верно следовавшего просветительским традициям *Alma mater*, успевшему блестяще организовать Фестиваль «Саратов – Москва - Саратов» к 100-летию Саратовской консерватории.

Исполнительская деятельность Льва Шугома многократно отражена в книгах и статьях о нём. Творческий портрет профессора Льва Исаевича впервые предстаёт в воспоминаниях его учеников, разных по возрасту, но единых в своём искреннем потоке благодарной памяти, любви, восхищения своим учителем, по-отечески заботившемся о каждом из своих юных питомцев. У меня есть редкая возможность эскизно дополнить портрет дорогого коллеги в двух ракурсах – «учитель» и «ученик». Дистанция времени как нельзя лучше оправдывает известный афоризм: «Не суди о педагоге по тому, как играют его ученики сегодня, а суди по тому, как они будут играть 15 лет спустя». За долгие годы нашей совместной работы на кафедре специального фортепиано я часто слушала сту-

дентов Льва Исаевича на экзаменах и в открытых концертах, а позднее – в их новом, повзрослевшем во всех смыслах облике в Большом зале консерватории. Им всем была присуща унаследованная от профессора Шугома смелость, артистическая выносливость, прекрасная пианистическая форма.

Ещё один, я бы сказала «ансамблевый ракурс», придавал моему восприятию педагогической работы Льва Исаевича особый взгляд. Подобно тому, как Семён Соломонович когда-то настоял на том, чтобы Лёва поступил в мой камерный класс, продолжая эту «семейную академическую традицию», Лев Исаевич бдительно следил за воспитанием своих студентов в едином родственном профессиональном русле. Моими студентами в камерном и концертмейстерском классах по его рекомендации стали Елена Машталова, Ольга Шкрыгунова, Наталья Ковалик, Юлия Бабкина, Ольга Донник, Мария Садритдинова, Любовь Моисеева, Динара Конгурова, Дарья Горохова, Евгения Мищерина. Многих не назвала. Не скрою, за их выступлениями и дальнейшей судьбой я всегда следила с особым интересом, зная изнутри по ансамблевому репертуару их потенциальные возможности, радуясь заметному росту, инициативе и предприимчивости в организации своей послевузовской профессиональной жизни. И всегда узнавала во многих успешных поворотах судьбы прочно унаследованный ими пример Учителя.

Добавлю, что с воспитанниками Льва Исаевича мне всегда было работать легко, радостно, по-родственному тепло. Это было особое доверительное взаимопонимание, подготовленное нашим общим с Львом Исаевичем «генеалогическим древом», многолетним ансамблевым партнёрством – педагогическим и пианистическим. Все студенты Льва Исаевича отличались безупречной дисциплиной, собранностью, чувством ответственности, всегда буквально «рвались на сцену», всегда любили учиться. Тем самым напоминали мне главные черты студента Лёвы Шугома, определившие его достойный будущий путь.

О том, каким замечательным учеником был Лев Шугом, следовало бы написать отдельное эссе. Признаюсь, я всегда внутренне относилась к своим педагогическим обязанностям, как к процессу взаимного музыкального диалога со студентами. В классе профессора С.С. Бендицкого существовала реальная педагогическая практика. Мы все играли друг другу по предложению Учителя или по собственной инициативе. Более строгих ревностных критиков в нашей юности не существовало. Уважение к мнению музыкального собрата – курсом младшего или старшего – было незыблемым. Присутствие в классе Семёна Соломоновича на его уроках с любым учеником – от школьника до дипломника вуза – было невероятно познавательным. Это была восходящая к атмосфере московского класса Г.Г. Нейгауза традиция, ускорявшая наше становление как музыкантов, как будущих исполнителей и педагогов. В этом видится залог такого в своём роде уникального явления, как возникновение в Саратовской консерватории кафедры специального фортепиано, полностью представленной академической семьёй профессора С.С. Бендицкого. Мы, его ученики, начинали свой вузовский педагогический путь буквально сразу после госэкзаменов, а некоторые даже на выпускном курсе.

Многим казалось удивительным, что в моём камерном классе уже в первые два года работы оказались студенты профессора С.С. Бендицкого – Н. Бендицкий, А. Скрипай, А. Левковский, Л. Шугом. Тогда для меня это было естественным продолжением нашего дружеского общения, как «педпрактикой юных лет». Мы, конечно, оставались привычно «на ты», но разница в возрасте (мне 25, им несколько меньше) ничуть не повлияла на наше подлинно творческое, ответственное и доверительное общение.

Лев Шугом проявил стратегический дар построения своей творческой судьбы сразу. В выборе партнёров по ансамблю и регламента репетиций с ними, в неукоснительной дисциплине и собранности на занятиях в классе. Всегда с благодарностью вспоминаю то удовольствие, которое испытывала в работе с Лёвой и его ансамблевыми друзьями: мгновенная реализация предложенной мысли, характера движения, фразировки, динамической ретуши. Всё воспринималось им любознательно и спокойно.

Но в игре на сцене всегда чувствовалась его собственная исполнительская воля, а не безропотное подчинение. Это редкое в наши дни умение прислушиваться к мнению других музыкантов, будь то коллеги или студенты, Лев Исаевич сохранил навсегда. Высшей точкой нашего дружеского тандема «учитель – ученик» стала подготовка к Всероссийскому конкурсу студенческих камерных ансамблей в Москве. Он состоялся в апреле 1967 г. в Концертном зале Института имени Гнесиных. В жюри, возглавляемом выдающимся ансамблистом А. Готлибом, работали известнейшие музыканты, профессора Ленинградской, Горьковской, Казанской, Свердловской консерваторий и «Гнесинки».

В то время это было первое в истории ансамблевого жанра состязание всероссийского масштаба, участие в котором требовало самого высокого уровня подготовки. Исполнительский уровень, в особенности ленинградских студентов, был выше всех похвал. Саратовская консерватория в разных номинациях была представлена несколькими составами. В этой поистине напряжённой конкурентной ситуации по-настоящему проявились бойцовские качества и основательный профессионализм Льва Шугома и его партнёров по Фортепианному трио – скрипача Владимира Макушкина и виолончелиста Михаила Щербакова. Они успешно прошли оба тура, участвовали в заключительном концерте конкурса. В истории Саратовской консерватории, в истории кафедры камерного ансамбля они стали *первыми Дипломантами Всероссийского конкурса*. Для меня это осталось до слёз незабываемым событием, придавшим моей дальнейшей педагогической работе важный импульс. В декабре 1967 года состоялось ещё одно важное выступление – на *Всероссийском фестивале студентов музыкальных вузов в Ленинградской консерватории*. Дипломник Лев Шугом, студенты II курса Михаил Буянер (скрипка) и Михаил Щербаков (виолончель) успешно играли две части Фортепианного трио Шостаковича в концерте Саратовской консерватории.

Не менее значимым событием стало исполнение на Государственном экзамене *дипломниками Маей Ваановой, Львом Шугомом* и второкурсником *Михаилом Буянером* Фортепианного трио Брамса Ми-бемоль мажор. Это было

настолько прекрасно по красоте звучания и музыкальной зрелости, что я не постеснялась рекомендовать молодых артистов для участия в документальном фильме Саратовского телевидения о Радищевском музее (1968 г.).

Вся последующая жизнь моих дорогих *первых* камерных студентов подтвердила их творческий потенциал. *Мая Ваанова* долгие годы была концертмейстером группы альтов Симфонического оркестра Саратовской филармонии, а также преподавала в Саратовском музыкальном училище. Скрипач *Михаил Буянер* – заслуженный артист РФ, был концертмейстером Красноярского симфонического оркестра (главный дирижёр – И. Шпиллер). *Владимир Макушкин* – доцент кафедры камерного ансамбля Саратовской консерватории – по сей день неутомимый ансамблист. *Михаил Щербаков* стал народным артистом России, профессором. Он заведует струнной кафедрой Ростовской консерватории имени С.В. Рахманинова, является многолетним концертмейстером группы виолончелей Ростовского филармонического оркестра. *Лев Шугом* также сохранил верность ансамблевому репертуару до последних концертных программ.

Благодаря замечательной инициативе дочери – Татьяны Зиминой – и воспоминаниям учеников разных лет, педагогическая линия жизни Льва Исаевича Шугома придаёт его творческому портрету убедительную цельность и полноту.

Педагогическая судьба изменчива, но главным её подарком навсегда остаётся духовная связь с молодыми музыкантами, в общении с которыми мы совершенствуем себя, подчас меняясь ролями в прекрасном союзе «Учитель и Ученик».

20 сентября 2018 года

**Студенты класса Л.И. Шугома
с 1970 по 2017 годы:**

1. 1970 Берзиня Елена
2. 1970 Попова Ольга
3. 1972 Гаврилина Елена
4. 1973 Румянцев Олег
5. 1973 Косенко Наталья
6. 1973 Карнаухова Владиана
7. 1973 Лопук Марина
8. 1973 Шабарчина Наталья
9. 1974 Сябренко (Зикрач) Людмила
10. 1974 Тимофеева Ольга
11. 1975 Ефремычева Нина
12. 1975 Савельева Людмила
13. 1976 Черкасская Наталья
14. 1976 Пряхина Елизавета
15. 1977 Акимова Людмила
16. 1977 Перова Татьяна
17. 1978 Бендицкая-Рыкель Анна
18. 1978 Дубровская Диана
19. 1978 Болтенко Наталья
20. 1978 Самсонова (Трубенкова) Людмила
21. 1979 Попова Александра
22. 1979 Ардатова Светлана
23. 1979 Янкулина-Брускова Алла
24. 1980 Мишенёв Евгений
25. 1980 Кузнецова Ольга
26. 1981 Харитоновна Светлана
27. 1981 Федорченко Татьяна
28. 1981 Щербак Людмила
29. 1982 Тритуз Марк
30. 1982 Федорова (Елисеева) Алла
31. 1983 Шустова Марина
32. 1983 Харькова (Долгушина) Марионелла
33. 1984 Тимофеева Маргарита
34. 1985 Аронс Элина
35. 1985 Закштейн Роман
36. 1985 Новопавловская (Черкасова) Марианна
37. 1985 Островская Светлана
38. 1986 Антропова Вера
39. 1986 Горбатова Елена
40. 1986 Исаева Валентина
41. 1987 Дмитриюкова Лариса

42. 1987 Колесниченко Юлия
43. 1988 Рубенчик Светлана
44. 1989 Трушина (Бочкарёва) Лариса
45. 1989 Соснин Андрей
46. 1989 Климова Марина
47. 1990 Кузнецова (Скрябина, Майер) Светлана
48. 1990 Настулис (Хохонова) Марина
49. 1990 Геворкян Гоар
50. 1992 Харитоновна (Крюкова) Ирина
51. 1993 Огнещикова (Лобанова) Арина
52. 1994 Сурцуков Олег
53. 1995 Михерская Яна
54. 1997 Брацило (Русина) Лариса
55. 1997 Дубровская Наталья
56. 1997 Соломатина Оксана
57. 1998 Налбандьян Маргарита
58. 1998 Пылькина Юлия
59. 1998 Фетисова Екатерина
60. 1999 Кошман Татьяна
61. 1999 Мельниченко Вера
62. 2002 Машталова Елена
63. 2002 Тимошкова (Козлова) Наталья
64. 2003 Долженко Алла
65. 2003 Ишенгалиева Марина
66. 2004 Бабкина (Литвиненко) Юлия
67. 2004 Грачёва (Хабарова) Мария
68. 2004 Ковалик Наталья
69. 2007 Саночкина (Киреева) Наталья
70. 2008 Богрова Екатерина
71. 2008 Мусиенко (Цырдя) Анна
72. 2008 Шкрыгунова Ольга
73. 2009 Кохова Юлия
74. 2009 Лигостаева Елена
75. 2011 Донник Ольга
76. 2012 Иванова Ольга
77. 2012 Павлова Анна
78. 2013 Гордиенко Марина
79. 2015 Садритдинова Мария
80. 2017 Конгурова (Сарсенова) Динара
81. 2013 – 2017 Моисеева Любовь
82. 2014 – 2017 Швецова Анна
83. 2015 – 2017 Горохова Дарья
84. 2015 – 2017 Арустамов Роман
85. 2016 – 2017 Мищерина Евгения

Содержание

От составителя.....	3
Творческая биография Льва Шугома.....	5
Лев Шугом. Воспоминания учеников об Учителе	8
Юлия Литвиненко (Бабкина) Человек, Музыкант, Педагог.....	8
Мария Хабарова (Грачева) В память о моем дорогом и любимом учителе – Льве Исаевиче Шугоме.....	14
Елена Машталова Вспоминая моего дорогого и любимого учителя	16
Мария Садритдинова Память сердца.....	19
Любовь Моисеева Подарок судьбы.....	24
Екатерина Фетисова В память о моем учителе, профессоре Льве Исаевиче Шугоме.....	28
Маргарита Налбандьян Памяти великого Учителя	29
Наталья Козлова (Тимошкова) Воспоминания о моём любимом Учителе	31
Елена Лигостаева Очерк о Льве Исаевиче	33
Ольга Шкрыгунова Три слова об Учителе.....	35
Татьяна Чубарова (Пузанкова) Воспоминания о Л.И. Шугоме.....	37

Лариса Русина (Брацило)	
Уроки мудрости и профессионализма	38
Алла Долженко	
Мой учитель.....	40
Надежда Тормозова	
Воспоминание-обращение.....	42
Алина Большеданова	
Образ Учителя	43
Егор Лузик	
Встречи с Мастером.....	44
Ильдар Самирханов	
Воспоминания о Л.И. Шугоме.....	45
Алла Фёдорова-Елисеева	
Слово благодарности!	45
Арина Лобанова (Огнещикова)	
Памяти Льва Исаевича.....	47
Юлия Кохова	
Памяти любимого Учителя	48
Лариса Дмитриюкова	
Слово об Учителе	49
Татьяна Перова	
Выдающемуся музыканту, дорогому педагогу Льву Исаевичу Шугому посвящается... ..	50
Людмила Гримак	
Вспоминая дорогого учителя... ..	52
Элина Аронс	
Светлой памяти Учителя	53

Марина Новопавловская (Черкасова)	
Письмо Учителю	55
Людмила Сябренко (Зикрач)	
Воспоминания об Учителе	56
Т.И. Кан	
Лев Шугом – учитель и ученик.....	67
Студенты класса Л.И. Шугома с 1970 по 2017 годы.....	71

Лев Шугом в воспоминаниях учеников

Сборник статей

Редакторы:

Кан Татьяна Иосифовна – заслуженная артистка РФ, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

Литвиненко Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры фортепианного искусства «Московского государственного института музыки имени А.Г. Шнитке», г. Москва

Корепина Наталья Александровна – доцент Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

Компьютерная верстка С.П. Шлыковой

Подписано к печати 26.02.2019 г. Гарнитура «Таймс». Печать «RISO».
Усл.-печ. л. 4,75. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 100. Заказ 10.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова»
410012, Саратов, проспект имени Кирова, 1